

XIV годъ

№ 9

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.
Выданъ 26 Февраля 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦВНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 5 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ Н. И. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особый приложенія при
„НИВѢ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для иногор.
по 5 р. съ тысячи, для
городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшия номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
и открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней), отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Рихардъ Вагнеръ.

Смерть слѣдуетъ за смертью. Германія потеряла одну изъ лучшихъ своихъ художественныхъ силъ, геніального несомнѣнно композитора, котораго произведенія оставили такой значительный, замѣтный слѣдъ въ искусствѣ. 1-го (13) сего февраля скончался знаменитый Рихардъ Вагнеръ. Онъ былъ сравнительно еще не старъ и казался крѣпкимъ и сильнымъ человѣкомъ, могущимъ прожить еще очень долго. Онъ мечталъ вывести искусство на новую дорогу, осуществивъ, наконецъ, идеально — гармоническое сочетаніе человѣческаго голоса и музыкальныхъ инструментовъ, о чёмъ мечтали еще греки, и его дѣло, начатое съ геніальностью и силою, остановлено смертью. Рихардъ Вагнеръ родился въ 1813 году въ Лейпцигѣ, гдѣ отецъ его служилъ въ полиції. Еще въ очень молодыхъ годахъ показывалъ онъ большія наклонности и способ-

Рихардъ Вагнеръ, † 1 (13) Февраля. Съ фотogr. грав. Ю. Бараповскій.

ности къ музыке и поэзіи, и лѣтъ всего тринацдцати отъ роду уже интересовался и занимался Шекспиромъ и набросалъ планъ большой трагедіи. Въ Лейпцигѣ онъ прилежно сталъ посѣщать тамошнюю консерваторію и серьезно изучалъ Бетховена. Позже, вступивъ въ Лейпцигскій университетъ, онъ слушалъ лекціи литературы, философіи и искусствъ, и въ то же время съ известнымъ Вейнлингомъ изучалъ контрапунктъ. Въ 1833 году онъ написалъ увертюру и симфонію, которые съ успѣхомъ исполнялись въ консерваторії. Весною 1837 году онъ перешалъ въ Ригу, гдѣ на мѣстномъ театрѣ получилъ мѣсто дирижера; въ слѣдующемъ году онъ уже писалъ текстъ своей первой значительной оперы „Ріензи“, сюжетъ которой увлекъ его въ прекрасномъ романѣ Бульвера. Въ 1839 году онъ былъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Поставивъ въ Парижѣ „Ріензи“, онъ

здѣсь же занялся текстомъ новой оперы „Летучій Голландецъ“. Затѣмъ успѣхъ его идуть безостановочно и быстро. Оперы его ставятся въ Берлинѣ и Дрезденѣ, известность разрастается и въ 1845 году онъ уже пишетъ „Лоэнгрина“ и „Тангейзера“, весьма любимыхъ нашей публикой и часто исполняющихся на Императорской оперной сценѣ. Текстъ и музыка писались лично самимъ композиторомъ, который былъ такъ-же сильнымъ поэтомъ, какъ и гениальнымъ композиторомъ. Въ 1848 г. онъ участвовалъ въ революціонномъ движении въ Германіи и долженъ былъ выѣхать въ Швейцарію. Въ 1855 году, въ Цюрихѣ, началъ онъ свою колоссальную, знаменитую тетралогію „Кольцо Нibelungovъ“ („Рейнское золото“, „Валькирии“, „Зигфридъ“ и „Сумерки боговъ“). Въ 1864 году онъ вызванъ былъ юнымъ королемъ Баваріи, Людвигомъ II, страстнымъ почитателемъ его таланта. Тутъ началась его извѣстная всѣмъ жизнь при дворѣ молодаго короля, дружба съ піанистомъ Бюловымъ и всѣ послѣдующія события его бурной жизни. Оперы его пріобрѣли громадный успѣхъ въ Германіи и восторженныхъ поклонниковъ. Въ это же время появились его знаменитые этюды объ искусствѣ, ибо и литература нѣмецкая потеряла въ немъ писателя, обогатившаго ее замѣчательными трудами по самимъ разностороннимъ вопросамъ эстетики и искусства. Къ этому же времени относится осуществленіе его идеи истиннаго оперного театра, идеаль, котораго не удовлетворялъ ни одинъ изъ существующихъ. Въ городѣ Байрѣтѣ, на средства короля Людвига и на собранія на это частнаго деньгъ многочисленныхъ почитателей композитора, воздвигся особый театръ, исключительно для оперъ Вагнера, выстроенный согласно съ тѣми нововведеніями, которыя имѣть давно объявлялись необходимыми для цѣлостности впечатлѣнія, которое должна производить на зрителя музыкальная драма, написанная по правиламъ созданнаго имъ „искусства будущаго“. Невидимый для зрителей оркестръ, мѣста для публики, расположенные такимъ образомъ, чтобы съ каждого изъ нихъ было безусловно видно и слышно все происходящее на сценѣ, театральныя машины, дозволяющія, по силѣ и сложности своего механизма, такие сценическіе эффекты, о которыхъ нечего было и думать при обыкновенныхъ машинахъ, употребляемыхъ даже въ лучшихъ европейскихъ театрахъ, темнота зрительной залы во время представлѣнія, недопускающая публику развлекаться постороннимъ—все это было осуществлено въ этомъ театрѣ, стоявшемъ большихъ денегъ. Результатъ извѣстенъ. Байрѣтскіе оперные спектакли привлекли въ началѣ международную толпу почитателей Вагнера и заставили въ теченіи нѣкотораго времени говорить о себѣ всю образованную Европу. Но послѣ нѣсколькихъ представленій, композиторъ перенесъ однако оперу въ Вѣну. Оригинальныя нововведенія его едва-ли понравились публикѣ.

Болѣе 20 лѣтъ тремѣло на всю Европу имя знаменитаго композитора. О популярности произведеній Вагнера въ Германіи можно себѣ составить уже понятіе по цифре авторскаго гонорара, которую онъ получалъ за послѣднее время и которая составляетъ отнынѣ достояніе его наследниковъ. Судя по поступленіямъ послѣднихъ лѣтъ цифра эта простирается до 100 тыс. марокъ, т. е. до пятидесяти тысячъ рублей въ годъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что гонораръ Вагнера получалъ только за представление четырехъ оперъ: „Лоэнгрина“, „Тристана и Изольды“, „Нюрнбергскихъ пѣвцовъ“, и „Перстня нѣбелунговъ“, потому что гонораръ за остальныя свои произведенія знаменитый маэстро уступилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному франкфуртскому банкиру за довольно значительную сумму. Не говоря объ этомъ значительномъ доходѣ, семья Вагнера, его сынъ Зигфридъ и жена, имѣютъ за себя высокаго покровителя и почитателя таланта покойнаго въ лицѣ короля Людвига Баварскаго. Что касается наличныхъ денегъ, то ихъ Вагнеръ оставилъ немного. Покойный любилъ жить на широкую ногу, особенно-же роскошно жилъ въ послѣднее время въ Италии. Въ Палермо онъ занималъ цѣлый рядъ номеровъ въ лучшей гостиницѣ, въ Венеціи цѣлый этажъ отеля, но тутъ стало ему тѣсно и онъ переселился во дворецъ Вендрамино, этотъ шедевръ временъ возрожденія, который онъ снялъ у герцогини, родственницы гр. Шамбора. Недвижимое имущество Вагнера состояло только изъ его дома въ Байрѣтѣ, въ Баваріи. Фасадъ дома выходитъ въ садъ, примыкающій къ королевскому парку, со стороны-же улицы скрывала его высокая каменная ограда съ фресками, изображающими сцены изъ „Нѣбелунговъ“. Внутри дома особенно замѣчательна зала съ куполообразнымъ потолкомъ. Здѣсь хозяинъ принималъ гостей; здѣсь есть рѣдкія произведенія искусства, напр. картины Макарта и т. п. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ саду, по указаніямъ хозяина, былъ воздвигнутъ художественный мавзолей изъ сѣраго мрамора, вокругъ котораго самъ маэстро насадилъ цѣлѣты и кустарники. Замѣчательно, что Вагнеръ имѣлъ ясное предчувствіе смерти. Недавно, въ консерваторіи въ Венеціи онъ дирижировалъ оркестромъ, исполнившимъ одну изъ его симфоній. Окончивъ, онъ положилъ свой капельмейстерскій жезль и сказалъ, что больше никогда не будетъ дирижировать. „Отчего?“ спросили его.—Оттого что я скоро умру! отвѣчалъ серьезно маэстро.

Смерть маэстро послѣдовала отъ разрыва сердца и была мгновенна. Замѣчательно, что отъ такой-же причины умеръ нашъ высокоталантливый А. Н. Сѣровъ, который былъ весель и по-видимому здоровъ еще утромъ въ день смерти.

Осенью прошлаго года состояніе здоровья Рихарда Вагнера было неудовлетворительно и онъ постоянно пользовался советами врачей. Когда онъ переселился въ Венецію, ему стало нѣсколько лучше, но, однако, не на долго. За послѣднее время съ нимъ часто дѣлалось дурно и нерѣдко вечеромъ, слушая на площади св. Марка военную музыку, ему приходилось удаляться въ банкирскую контору Рейтмейера, гдѣ съ нимъ дѣлались продолжительные обмороки; при этомъ онъ постоянно жаловался на стѣсненіе въ груди. Знаменитый композиторъ также быстро падалъ духомъ, и мрачная предчувствія о скорой кончинѣ, какъ мы говорили, почти не покидали его. Въ первый день великаго поста Вагнеръ отправился на островъ Санть-Микеле, гдѣ находится кладбище, между городомъ и Мурано. Выходя изъ гондолы, онъ сказалъ своему гондольеру Луиджи: „не пройдетъ много времени, и у меня здѣсь будетъ свой угромный уголокъ“; но паканунѣ смерти Вагнеру сдѣлалось какъ будто лучше; онъ чувствовалъ себя хорошо и былъ даже въ веселомъ расположѣніи духа. Въ теченіе дня онъ отправился даже къ своему банкиру Рейтмейеру за довольно крупною суммою, такъ какъ предполагалъ вмѣстѣ съ сыномъ совершить продолжительную поѣздку по южной Италии. Въ самый день смерти онъ, по обыкновенію, работалъ и игралъ на фортепіано въ своемъ кабинетѣ. Музыка оказывала на него благотворное вліяніе и обыкновенно онъ выходилъ изъ кабинета, напѣвая какой нибудь мотивъ. Но на этотъ разъ онъ вошелъ въ столовую молча, блѣдный, едва держась на ногахъ, и сказалъ, что чувствуетъ себя не хорошо. Но онъ быстро оправился и въ три часа вся семья собралась къ обѣду. Вдругъ Вагнеръ поднялся съ мѣста и воскликнулъ: „Мнѣ очень дурно!“ Это были его послѣднія слова. Всѣ засуетились, бросились помогать больному. Прислуга уложила его въ постель. Нѣсколько минутъ спустя прибылъ постоянно пользовавшій его врачъ, докторъ Келлеръ, который, однако, могъ только констатировать, что авторъ „Тангейзера“ и „Лоэнгрина“ уже скончался, притомъ отъ разрыва сердца. Извѣстіе о смерти Вагнера распространилось съ быстротою молніи въ Венеціи, масса публики устремилась немедленно къ палаццо Вендрамино. Погруженная въ горе семья композитора нашла утѣшителя въ лицѣ живописца Жуковскаго (сына поэта), давнишняго друга Вагнера. Жуковскій принялъ на себя всѣ заботы о похоронахъ, отъ него же король баварскій узналъ впервые о смерти своего любимца. Въ отвѣтъ на краткую телеграмму Жуковскаго, король выразилъ по телеграфу желаніе, чтобы тѣло не трогали и никакихъ распоряженій не дѣлали до прибытія въ Венецію его уполномоченнаго, что послѣдовало въ четвергъ.

16 (4) февраля трупъ Вагнера набальзамированъ и положенъ въ металлическій гробъ. Скульпторъ Бенвенути снялъ гипсовую маску съ лица Вагнера. Муниципалитетъ положилъ на гробъ вѣнокъ.

Бронзовый гробъ сдѣланъ въ стилѣ возрожденія, вагонъ же лѣзной дороги обитъ чернымъ съ серебромъ. Семья сопровождаетъ трупъ Вагнера. До вокзала гробъ провожали глава муниципалитета, префектъ, члены лицея Марцелло и друзья семьи, между ними художники Пассини и Жуковскій и банкиръ Гроѣ.

Въ Мюнхенѣ трупъ Вагнера прибылъ 5-го февраля и былъ встрѣченъ на станціи желѣзной дороги флигель-адъютантъ короля Людвига II, положившимъ на гробъ громадный лавровый вѣнокъ. Мюнхенскіе художники съ горящими факелами, депутаціи всѣхъ мюнхенскихъ пѣвческихъ обществъ со знаменами покрытыми флеромъ, и вагнеровскій ферейнъ, всѣ съ лавровыми вѣнками, образовали шпалеры. Погребальный поѣздъ двигался при звукахъ бетховенского похороннаго марша. Всѣ депутаты дежурили у гроба, до отправленія его съ курьерскимъ поѣздомъ въ Байрѣтъ.

Въ воскресеніе, 6-го (18-го) февраля, вечеромъ, тѣло Рихарда Вагнера выставлено было въ Байрѣтѣ въ траурномъ покоѣ, устроенному въ вокзалѣ здѣшней желѣзной дороги. Тамъ простился съ прахомъ великаго композитора, отъ имени города, здѣшній бургомистръ. Фейстель, директоръ правленія вагнеровскаго театра, сказалъ также соответствующее случаю теплое надгробное слово. Затѣмъ, пополудни, величественная погребальная процессія двинулась, при звукахъ зигфридова похороннаго марша, въ Ванфридъ. За траурною колесницей не шелъ никто изъ родственниковъ Вагнера. Зато за ней слѣдовали представители баварскаго короля, многочисленныя депутаціи, множество артистовъ, офицеровъ, чиновниковъ, городскія власти, именитые граждане, и громадная толпа народа. Собственно въ Ванфридѣ было допущено всего лишь около 100 человѣкъ, получившихъ особыя приглашенія. Послѣ краткой литіи, смертные останки композитора опущены въ могилу, имъ самимъ для себя приготовленную. На всѣхъ присутствовавшихъ при погребеніи оно произвело глубокое впечатлѣніе.

На морскомъ берегу.

(Изъ записной книжки туриста).

П. П. Гнѣдича.

I.

По высокому и широкому трапу, въ родѣ тѣхъ лѣстницъ, что въ старинныхъ барскихъ домахъ вели на антресоли, я поднялся изъ колыхавшейся лодки на палубу огромнаго морскаго парохода. Татаринъ потащилъ вслѣдъ за мной, кверху, чемоданы. Мои спутники, съ которыми отчаливші отъ берега я попалъ въ одну лодку: какою-то морякъ, старуха съ толстымъ носомъ и желтымъ пѣтухомъ, обвернутымъ въ тряпку, да тощая дѣва, видимо изнывающая за неимѣніемъ мужа, — поднялись вслѣдъ за мною. Я прошелъ на корму, выбралъ себѣ мѣсто въ тѣни и расположился поудобнѣ.

Утро было чудное. Изъ-за крутыхъ, фиолетовыхъ облаковъ съ золотистой оторочкой только что выплыло свѣжее, молодое солнце и залило море широкимъ розливомъ огня. Вершины горъ стояли совсѣмъ розовыя, — да и все было розовое: и нашъ пароходъ, и дымъ, выбивавшіяся плотными клубами изъ его трубъ, и городокъ, бѣльвѣшій на самомъ берегу у подножья горъ, — маленький приморскій городокъ. Сизо-зеленая поверхность воды еле будоражилась волнистою, слабою зыбью, задумчиво плескающею въ купеческія суда, сонно качавшіяся на якоряхъ. Въ воздухѣ стояла та утренняя, торжественная истома, которая всегда слѣдуетъ за страстью южной ночью, съ ея душнымъ ароматомъ, огромными зелеными звѣздами и фосфорическимъ блескомъ луны.

Я щѣхалъ одинъ, и очень скучалъ одиночествомъ, особенно когда пріѣзжалъ на мѣсто. Дорога переносилась гораздо легче: этому способствовало и постоянное разнообразіе впечатлѣній, и удивительная сообщительность русскаго пассажира. Я по опыту знаю, что невозможно проѣхать сутки въ вагонѣ и не познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ спутниковъ. У васъ окажутся не только общіе знакомые въ Петербургѣ, Харьковѣ или Чугуевѣ, но и самъ пассажиръ придется вамъ всенепремѣнно родственникомъ, ужасно дальнимъ, — черезъ какихъ-то древнихъ тетушекъ, которыхъ давнимъ-давно истлѣли по склепамъ. Отличительная черта этихъ родственниковъ та, что они спятъ въ дорогѣ восемнадцать часовъ въ сутки. Я это имъ вмѣняю въ особенную заслугу, — и по этой причинѣ ихъ никогда нельзя встрѣтить между Москвой и Петербургомъ, гдѣ всего ъзды-то пятнадцать часовъ, и гдѣ поэтому они еле успѣваютъ высаться, забывая даже про существованіе буфетовъ. Пароходъ менѣе скучиваетъ пассажира, и потому знакомства вяжутся не сразу. Мнѣ, вдобавокъ, ъзды было всего какихъ нибудь пять часовъ — и потому я питалъ надежду, что никакихъ родственныхъ встрѣчъ не произойдетъ: какъ ни будь скучно, — такая встрѣча влечетъ за собою скучу еще жесточайшую... Но вскорѣ я принужденъ былъ разувѣриться въ ожиданіи.

Я слонялся безцѣльно по палубѣ, смотрѣлъ, какъ на паровыхъ блокахъ подымали грузные бочки и складывали куда-то глубоко внизъ, какъ машинисты вытирали масляными тряпками стальные поршни и цилиндры, какъ старуха укладывала пѣтуха, пугливо дергавшаго головой, въ круглую корзинку. Изнывающая дѣва скромно помѣстилась во второмъ классѣ, сняла съ своихъ безцѣльныхъ волосъ шляпу съ цѣлымъ кустомъ сирени, и вынувъ изъ маленькаго дорожнаго сака какую-то провизію, не безъ удовольствія жевала. Къ трапу то и дѣло подплывали лодки съ пассажирами и багажемъ. Птицы шумно летали вокругъ, садились на мачты. Матросы шныряли туда и сюда по борту; воздухъ наливался все сильнѣе тепломъ и жаромъ.

— Купи, баринъ, бирюза, настояща черноморска,—

предлагалъ мнѣ армянинъ, раскладывая цѣлую коллекцію мелкихъ и крупныхъ камней, своими черными, закорулыми пальцами. — Сvezepъ въ Москва, барышнѣ подаришъ.

Я послалъ его къ чорту, и перешелъ на носовую часть, откуда городокъ былъ виднѣе. Отъ него къ намъ словно мухи ползли — чернѣли по волнамъ катера, лодки съ пассажирами и грузомъ. А самъ онъ казался отсюда хоть и живописнѣй, но такимъ маленькимъ, жалкимъ: словно эти дѣтскіе домики кто-то просыпалъ мимоходомъ, а они такъ и прилипли къ тѣмъ мѣстамъ, куда ихъ бросило. Всѣ они были какіе-то бѣленыкіе, кубические; только порой кой-гдѣ выпрыгивалъ минаретикъ и разрѣшалъ своей тонкой линіей монотонность построекъ. Я люблю эти полу-руssкіе, полу-восточные городки издали. Но за то избави Богъ жить въ нихъ, гдѣ нибудь на татарскихъ задворкахъ, среди вони и грязи уже совсѣмъ восточной, которая въ десять разъ хуже нашей, великороссійской...

Рядомъ со мной стоялъ плотный, плѣшивый мужчина съ рыжей бородкой, и разсѣянно устало поглядывалъ вокругъ. Я чувствовалъ, что разговоръ неизбѣженъ, что онъ вотъ-вотъ заговорить, — и не ошибся...

— Изволите любоваться? началъ онъ. — Пріятная мѣстность.

Я долженъ былъ согласиться, что пріятная.

— Любопытныя мѣста, продолжалъ онъ. Вотъ тутъ пойдетъ лѣвѣе Алупка, Оріанда, Мисхоръ. Изволили насладиться ими? Далеко небезинтересно. Я вотъ третій годъ сюда ъзжу, и каждый разъ наслаждаюсь.

— Издалека ъздите? спросилъ я, чтобы что нибудь спросить.

— Издалека. Можно сказать изъ Сибири, — изъ Екатеринбурга. Жену вожу на излѣченіе. Теперь привезъ ее, ъду обратно. Очень спокойно. Пароходы умѣстительные, комфорtabельные... Впрочемъ на сей разъ ъдемъ мы съ маленькою непріятностью.

— То есть какъ?

— Вчера всѣхъ насыть чуть не перестрѣляли тутъ... Изволите удивляться? Да, оно точно удивительно. Съ нами, изволите видѣть, князекъ одинъ ъдетъ, по фамиліи Тузлуковъ. Такъ онъ къ вечеру напивается, и по палубѣ съ пистолетомъ бѣгаешь въ растерзанномъ видѣ...

— Вы шутите?

— Ни Боже мой.

— Что-же съ нимъ дѣлаютъ?

— Ничего не дѣлаютъ. Да и сдѣлать невозможно. Лицо официальное: ъдетъ куда-то по казенной надобности, и даже кое-кому племянникомъ приходится. Впрочемъ, что онъ по казенной надобности ъдетъ, — это вздоръ, а вотъ что онъ племянникъ, это точно...

— Да вѣдь онъ убьетъ кого нибудь?

— Пистолетъ отъ него отобрали. И странный человѣкъ. Утромъ такой тихій, скромный. Сидитъ въ уголку, и все извиняется. Къ вечеру напивается, и сейчасъ дѣбошъ. Образованный человѣкъ, на многихъ языкахъ говоритъ. А вотъ, подите, какая болѣзнь...

— Такъ вѣдь можно-бы распорядиться, чтобы ему вина не давали изъ буфета.

— Да гдѣ-же тутъ, не усмотрѣшь! Сунулъ лакею цѣлковый — ну и тащетъ ему бутылку... Онъ такъ-то очень приличенъ. Говорить, что ему стыдно смотрѣть на людей по утрамъ... а къ вечеру опять и готовъ-сь. Ужъ это натура такая, — вѣдь это вся фамилія Тузлуковыхъ на одинъ образецъ. Что этотъ самый князекъ въ Москвѣ выдѣлывалъ — и-и, Господи! Ужъ и сѣкли-то его, по просьбѣ матери, — ничего не помо-

гаетъ... Теперь, говоритъ: „Еду по казенной надобности“. Да кто-же его пошлетъ: вѣдь онъ шалберникъ известный... Хотѣли протоколъ вчера составлять — да рѣшили, что не стоитъ, — потому сегодня окончательно пароходъ на мѣсто придетъ.

— Гдѣ-жъ онъ теперь?

— Ходить, пассажировъ благодаритъ.

— За что?

— За то что протокола не составили.

— А тѣ что?

— Да чѣмъ,—ничего. Всетаки князь, человѣкъ благородный. Хотите посмотретьъ его.

— Богъ съ нимъ, не интересно!

— Да вотъ онъ идетъ.

Онъ показалъ на подходящую фигуру, — ни дать ни взять коми изъ парфюмерного магазина, въ шотландской шапочкѣ и свѣтленькомъ костюмѣ изъ чин-ча. Онъ былъ блѣденъ, лицо опухши, глаза красные. Увидѣвъ моего собесѣдника, онъ подошелъ къ нему и протянулъ руку.

— Извините, скромно проговорилъ онъ, приподнимая шапочку... Вчера опять это случилось... мнѣ такъ совѣстно, такъ совѣстно... Просто я не знаю, что это со мною...

— И-и, ваше сіятельство, съ кѣмъ это не бываетъ! уѣшилъ тотъ его.

— Ну, нѣтъ,—процѣдилъ князь сквозь зубы,—нѣтъ вы этого не говорите, — это не съ каждымъ случается... Просто позоръ... На пароходѣ, съ револьверомъ, и при томъ почти безо всего... Вѣдь вотъ оказывается, что я одну даму свиньей некормленной называлъ... Что-же это такое! Я теперь передъ всѣми готовъ извиняться, передъ всѣми... Извините, ради Бога, обратился онъ ко мнѣ, можетъ быть я вчера и вѣсъ какъ нибудь неумышленно...

Я объяснилъ ему, что только что прибылъ на пароходъ. Онъ видимо смѣшался, — ему было досадно познакомить еще новаго человѣка съ своими дѣяніями...

— Нѣтъ, нѣтъ, рѣшено: больше не буду пить, — бормоталъ онъ отходя, — это ядъ, положительный ядъ...

II.

Пароходъ снялся съ якоря и безшумно двинулъся вдоль берега, разбрасывая по сторонамъ и далеко оставляя за собою длинныя ленты кружевной пѣни. Пассажиры стали стягиваться въ кружки. Армянинъ опять заходилъ съ бирюзой. Кое-гдѣ раскрылись карточные столы.

— У меня былъ вотъ такой-же дядя, не отставалъ отъ меня мой собесѣдникъ: — такъ онъ, какъ напьется, — сейчасъ въ церковь. Свѣчу поставить — и на колѣни, плачетъ, разливается: сколь, говоритъ, много во мнѣ чрево-неистовства!.. Ну, совсѣмъ съ цѣли сорвавшися. А между тѣмъ медаль получилъ.

— За что?

— Сыроварни у него первыя въ краѣ, — теперь-то онъ ко мнѣ перешли, а до позапрошлаго года его были... Жену съ малолѣтними дѣтьми на чердачѣ держалъ, чтобы домъ не подожгли, а прикащиковъ въ намордникахъ возилъ, чтобы не разговаривали.

Я развернуль книгу и сдѣлалъ видъ, что интересуюсь чтенiemъ. Бородачъ завздыхалъ, полѣзъ въ карманъ, вытащилъ золоченую табакерку, съ которой по угламъ слѣзла позолота, и красный фуляръ, насквозь пропахшій табакомъ, — весь сморщился, сощурился, и не безъ наслажденія потянуль порошокъ себѣ въ носъ...

— И чего онъ акробатомъ одѣвается, — не унимался онъ, смотря издали на князька. Мамаша благотворительностью занимается, а сынъ на черноморскихъ пароходахъ цѣлковые спускаетъ въ карты...

Я молчалъ съ упорствомъ и смотрѣлъ въ книгу. Онъ попыхталъ еще немножко, и отошелъ.

Пароходъ уже совершенно разошелся и несся на всѣхъ парахъ. Мимо, какъ въ движущейся панорамѣ, шли крутые берега, залитыя садами и парками; сквозь листву сквозили дворцы и дачи. Съ безоблачнаго неба солнце жгло и палило. Дельфины въ неистовой плясѣ мчались за нами, высоко выпрыгивая изъ воды, — словно Нептунъ въ честь насъ задавалъ праздникъ, и велѣлъ имъ вертѣться вокругъ судна хороводомъ. Было еще сравнительно рано, а уже дышать было нечѣмъ, такъ накалялся воздухъ. Я сталъ разсчитывать, сколько времени осталось до завтрака, а съ завтрака до прибытія парохода на рейдъ. Спать было неудобно, читать не хотѣлось, говорить тѣмъ болѣе.

Неподалеку, рядомъ съ сыроваромъ, помѣстился какой-то сѣденъкій, съ подслѣповатыми глазками, господинъ и съ чувствомъ рассказывалъ о томъ, что слышалъ еще отъ своего дѣда.

— Безбожіе, милостивый государь, ни къ чему не поведетъ, — говорилъ онъ, опираясь подбородкомъ на палку — и прочно укорениться въ человѣкѣ не можетъ. Ужъ на что, напримѣръ, былъ безбожникъ Волтеръ?.. А между тѣмъ и съ нимъ какое чудесное обращеніе было! Случай достопримѣчательный, который въ жизнеописаніяхъ его не поминается. Передавалъ мнѣ это очевидецъ, дѣдъ мой, какъ я уже вамъ докладывалъ.

— Жду съ интересомъ, — подбодрялъ рассказчика сыроваръ.

— Надо вамъ сказать, милостивый государь, и вамъ конечно это не безвѣстно, что императрица Екатерина Великая состояла съ французскимъ безбожникомъ Волтеромъ въ перепискѣ, и настолько имъ заинтересовалась, что пожелала его видѣть. Пригласила она его на лѣто въ Петербургъ. Онъ прїѣхалъ и поселился на отведенной для него дачѣ, близъ Чесменской боярской линии, если изволите знать. Занимался онъ своими книгами, изумляя императрицу безбожiemъ и ученостью. Спорилъ съ нимъ митрополитъ, архиереи, но убѣдить не могли: затвердилъ одно: нѣтъ Бога, и души нѣтъ, а есть разумъ. Только хорошо-съ. Прогуливается онъ однажды въ полѣ. Видитъ, мужикъ землю пашетъ и крестится. Подходитъ онъ къ нему и спрашиваетъ: что это, говоритъ, ты рукой дѣлаешь. Мужичекъ отвѣчаетъ: крестное, говоритъ, знаменіе совершаю, молю Творца моего обѣ урожаѣ. — Да вѣдь Бога-то нѣтъ, — говоритъ Волтеръ. — Какъ нѣтъ! а урожай откуда? — Урожай изъ земли. — Да вѣдь и не урожай изъ земли? — Вѣрно, говоритъ Волтеръ, — неурожай отъ погоды. — Да погода-то откуда? — А погода сама по себѣ. — Тутъ мужикъ не выдержалъ — засмѣялся. — Ну, говоритъ, и пушай. А вотъ я какъ перекрещусь, такъ у меня урожай и будетъ... Волтеръ задумался. Пошелъ дорогой, думаетъ. Спать легъ — думаетъ... Что же вы думали, милостивый государь, такъ вѣдь на него этотъ случай повліялъ, что онъ все свое безбожіе оставилъ и въ Бога увѣровалъ!.. Въ монахи постричясь хотѣлъ — вотъ до чего...

Сыроваръ съ изумленіемъ покачалъ головою, а рассказчикъ принялъ за новое повѣствованіе, очевидно столь же интересное. Я опять сталъ блуждать по пароходу, прислушиваясь къ звону посуды, раздававшемуся изъ столовой. За однимъ изъ карточныхъ столовъ князекъ игралъ въ никетъ съ какимъ-то бородатымъ господиномъ, сомнительнаго происхожденія, который все возмущался, что онъ „разносить“. Князьку, очевидно, везло. Когда я подошелъ къ нему — у него на рукахъ было семь никѣ и пять фигуръ.

— Ну вотъ и извольте сносить, — обратился онъ ко мнѣ, какъ къ знакомому, — не угодно ли...

Игралъ князекъ плохо, и не смотря на масти, чуть не каждый разъ отдавалъ лезу противнику. Противникъ игралъ очень тонко, съ большимъ разсчетомъ, и былъ совсѣмъ князьку не подѣ пару. Онъ какъ-то ухитрялся

каждый разъ брать короля, изрѣдка только приговаривая:

— Однако-жъ это, съ позволенія сказать, собачье счастье“.

Къ кому относилось это „собачье счастье“—къ нему, или къ князю—этого я не могъ опредѣлить.

Когда сигнальный колоколъ прозвонилъ къ завтраку, и пассажиры шаркая ногами двинулись въ залу, по какой-то необъяснимой случайности я очутился за столомъ рядомъ съ княземъ. Онъ отодвинулъ бутылку соторна отъ себя подальше, и спросилъ себѣ содовой воды.

— Чѣмъ кончилась ваша партія? полюбопытствовалъ я.

— Представьте, проигралъ три съ полтиной,—удивлялся онъ.—Карта валила ужасно, а между тѣмъ кончилось проигрышемъ.

III.

Въ третиѣ часу, въ самый жаръ, пароходъ подошелъ къ давно желанному рейду. Онъ сбавилъ ходъ, и сталъ осторожно пробираться между судовъ. Вместо дельфиновъ, вокругъ него запрыгали по водѣ дюжіе парни, пловцы-аматеры, которые жалобно глядя своимъ мокрымъ лицомъ на пассажировъ, просили: „Баринъ, бросьте монету, я ртомъ поймаю“... Съ борта летѣли дождемъ гривенники и пятіалтынны, парни ныряли въ густую сизую воду и снова высакивали на поверхность, отплевываясь, фыркая, показывая монету и тотчасъ пряча ее за щеку. Дамы не безъ интереса смотрѣли на ихъ атлетическое сложеніе, а сыроваръ почему то утверждалъ, что это несомнѣнно ярославцы,—что это плутъ-народъ, и кромѣ ихъ никто такого средства на живы не выдумаетъ.

На пристани маленькій, коренастый татаринъ подхватилъ мой чемоданъ и пледъ, и рысью кинулся черезъ площадь къ гостиницѣ, пыхтя, и всѣми силами желая показать, что чемоданъ ужасно тяжелъ, и что поэтому ему надо дать на водку какъ можно больше. При входѣ въ отель съ нимъ случилось несчастье: онъ пнулъ угломъ чемодана въ стеклянную дверь и разбилъ окно. Къ сожалѣнію, свободныхъ номеровъ здѣсь не оказалось, намъ пришлось искать пристанища въ другомъ мѣстѣ, и слышать сзади себя всякия хорошия пожеланія швейцара, вознегодавшаго на разбитіе стекла. Носильщикъ молчалъ упорно, только хрюкалъ, и бѣжалъ бокомъ, какимъ-то галопомъ, весь обливаясь потомъ и задыхаясь. Я еле поспѣвалъ за нимъ, а онъ все оглядывался и шепталъ:

— Не далеко, мусье, не далеко.

Въ новой гостиницѣ посчастливилось болѣе. Какой-то линючій лакей повелъ меня во второй этажъ и показалъ огромную комнату съ двумя кроватями, изъ которыхъ одна была широчайшая, двуспальная. На мой протестъ, что такого семейнаго нумера мнѣ не нужно, онъ, позвякивая ключами, отвѣтилъ:

— Все занято, больше нигдѣ не найдете,—и потомъ прибавилъ: да можетъ вы не одни будете?

— А съ кѣмъ-же?

— Можетъ проѣзжіе есть знакомые?

Я велѣлъ внести свои вещи и подать воды для умыванья. Черезъ отворенную дверь мельнула фигура князя, очевидно тоже остановившагося гдѣ нибудь по сосѣдству. Подъ окнами росъ какой-то терновникъ, или чертополохъ, въ воздухѣ пахло изъ кухни пролитымъ на плиту масломъ. Немного подальше, за окномъ, ругались извощики; еще дальше—шло голубое поле залива, и жалобно бѣлѣли сожженныя жгучими солнцемъ скалы. Словомъ видѣть былъ не изъ важныхъ, не изъ тѣхъ, про которые говорятъ итальянцы: „ты его видѣлъ, и теперь можешь умереть“. Умереть тутъ можно было развѣ скучи.

Переодѣвшись, я отправился по своимъ дѣламъ, и первымъ дѣломъ на почту — нѣть-ли писемъ poste-res-

tante. Надъ городомъ носилась, всеконечно, бѣлая пыль, садилась на платье, забиралась въ ротъ, въ носъ и въ уши. На прилавкахъ по улицамъ продавали великолѣпныя яблоки, виноградъ, груши, тоже обсыпанныя, какъ сахаромъ, пылью. Поднявшись въ гору, я дошелъ по тощему бульвару до клуба,—какого-то неуклюжаго барака, разыскалъ тамъ капитана, котораго мнѣ надо было видѣть, сѣѣлъ какой-то невозможный обѣдъ съ „антрекотомъ“,—и въ концѣ концовъ воротился домой поздно вечеромъ, когда уже солнце, покраснѣвъ тихонько, закатывалось въ туманную дымку далекой смутной полосы горизонта.

Къ величайшему изумленію, я нашелъ свою комнату отворенной; на двуспальной постели, подъ простыней потягивалась какая-то фигура, у стѣны стоялъ огромный чемоданъ и симметрично разставленыя ботинки. У умывального столика возился тотъ-же линючій лакей.

— Что это такое? крикнулъ я...

— Это тоже-съ проѣзжій,—не смущаясь отвѣтилъ онъ. Вѣдь вы говорили, что ваша комната велика, и постель лишняя. Такъ вотъ они и заняли.

Проѣзжій сдернулъ съ головы простыню и приподнялся.

— Извините пожалуйста,—заговорилъ онъ нѣжно, и по голосу я тотчасъ призналъ въ немъ того господина, что игралъ въ пикетъ съ княземъ. Я не хотѣлъ занимать эту комнату, но во всемъ городѣ ни одного-жъ номера, а этотъ (онъ ткнулъ пальцемъ на лакея) говоритъ, что вы были не прочь занять съ кѣмъ нибудь комнату. Я и расположился.

Мнѣ, конечно, оставалось только развести руками. Я вообще терпѣть не могу спать съ кѣмъ-бы то ни было, а ужъ тѣмъ болѣе съ незнакомымъ, который просто на просто можетъ обокрасть. Но вѣдь не гнать-же мнѣ его было ночью съ кровати...

— А я-жъ ужастъ какъ усталъ,—продолжалъ онъ, съ легкимъ польско-жидовскимъ акцентомъ,—потому не дожидаюсь васъ, съ позволенія сказать, раздѣлся. Вы извините, пожалуйста, такой случай, можно сказать экстраординарный.

Я рѣшилъ непремѣнно завтра-же утромъ отѣлаться отъ подобнаго сосѣдства, и началъ раздѣваться.

— Вы мнѣ позволите рекомендоваться,—говорилъ онъ. Гроденскій помѣщикъ Шнейдеръ, Болеславъ Яковлевичъ. Путешествую для развлеченія. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

Я назвалъ себя.—Очень пріятно. Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на пароходѣ... Вы завтра на смотрѣ єдете?

— На какой смотрѣ?

— Государь смотрѣть здѣсь завтра дѣлаетъ,—мы съ княземъ рѣшили ѿхать. Маневры будутъ. Очень интересно. Поѣдемте, веселѣе втроемъ.

— Ну, ужъ не знаю.

— Я разбужу васъ завтра пораньше, можетъ и єдете...

Такая нахальная любезность меня ужасно взбѣсила, и я тутъ же положилъ, что никуда не поѣду.

Государь всего на нѣсколько часовъ пріѣдетъ изъ Ливадіи—мы услышимъ выстрѣлы, когда пароходъ войдетъ въ гавань. Да и лакею я приказалъ разбудить меня... Вы на ночь не купались?

— Нѣтъ.

— Напрасно... Это освѣжаетъ, дѣлаетъ тѣло какимъ-то гуттаперчевымъ... Pardon,—вамъ, кажется, спать хочется, а я болтаю, мѣшаю вамъ. Покойной ночи...

Онъ повернулся на бокъ и тотчасъ же захрапѣлъ, какъ-то особенно высвистывая носомъ.

IV.

Утромъ, сквозь полусонъ, я почувствовалъ, что меня трясутъ за плечо.

— Вставайте, вставайте,—кричалъ надъ ухомъ голосъ, — яхта вошла въ гавань.

У окна, завернувшись въ простыню, стоялъ князь, прибѣжавшій изъ своего номера, а рядомъ съ нимъ, въ такомъ-же костюмѣ, гроденскій помѣщикъ.

Мнѣ ужасно захотѣлось ихъ выгнать: такъ таки взять за шиворотъ, вытолкнуть за дверь, повернуть ключъ въ замкѣ, и снова натянутъ на себя одѣяло. Но сдѣлать это было невозможно: мы живемъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ вѣкѣ телеграфовъ, телефоновъ и микрофоновъ! Оставалось скрипѣть зубами и ругаться про себя.

По заливу съ музыкой и выстрѣлами катились двѣ яхты, на одной развѣвался желтый штандартъ.

— Извошка скорѣй, кипятился Шнейдеръ, мечась изъ угла въ уголъ, держа въ одной руки стаканъ, въ другой туфлю. Онъ послалъ поминутно куда-то лакея, кричалъ, что мы опоздаемъ, самъ принесъ мнѣ вычищенные сапоги, полоскалъ ротъ, разливалъ чай... Онъ ме-

ня буквально одѣлъ, даже шляпу надѣлъ на голову, раза четыре сбѣгалъ за княземъ, стащилъ насъ съ лѣстницы и усадилъ въ коляску.

Очевидно, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые разъ прилипнувъ, уже не отлипаютъ, и отдѣляться отъ которыхъ невозможно трудно! Съ княземъ, конечно, пришлось познакомиться короче, ибо помѣщикъ, помѣстившись на передней скамейкѣ коляски, сталъ уверять, что мы оба люди прекрасные, что я ему понравился съ первого раза. Онъ даже тянулся ко мнѣ съ цѣлью поцѣловаться, но я его убѣдилъ сдѣлать это по томъ, не на улицѣ...

— Пріятно помѣститься въ одной комнатѣ съ образованнымъ человѣкомъ—говорилъ онъ, сладко щурясь на меня своими хитрыми глазками. Я ужасно общество предпочитаю... А скуча здѣсь, въ этомъ проклятомъ городѣ, убийственная. Хорошо еще, что вотъ съ княземъ вчера въ картишки перебросились... Да такое несчастіе опять мнѣ валило.

— Однако-же я шесть рублей проигралъ,—замѣтилъ князь.

— Такъ вы же небрежно играете,—возразилъ помѣщикъ... Да что ужъ тутъ,—собачье счастье.

Скоро городъ остался позади, мы поѣхали по холмистой долинѣ. Вдали правильными рядами чернѣли войска. Смотрѣ уже начался, и полки, отбивая мѣрно шагъ, съ крикомъ ура! съ развернутыми знаменами шли мимо свиты. Мы вышли изъ экипажа и вмѣшились въ разношерстную толпу, вольдомъ одѣвшую войско...

— Хорошо сидѣть,—похвалилъ князекъ полковника, танцовавшаго на горячей гнѣвой лошади передъ публи-

кой.—Эхъ, бывало я какъ въ полку гардовалъ, и на какихъ коняхъ!

— Развѣ вы были военнымъ?—поинтересовался я.

— Да, я въ кавалеріи... Принужденъ былъ выйти,— вѣдь вы знаете мой характеръ... то есть слышали,— наивно сознавался онъ.

Побилъ домашнимъ образомъ одного изъ начальствующихъ — ну и попросили оставить полкъ.

Онъ даже вздохнулъ.

— Многимъ мнѣ пришлось поплатиться за эту страсть, продолжалъ онъ. Вы не повѣрите, сколько мнѣ денегъ все это стоило! Я думаю, армію обмундировать на эти деньги можно...

Онъ говорилъ все это такъ просто, съ такимъ сожалѣніемъ, что я положительно недоумѣвалъ, какъ это такой скромный мальчикъ способенъ раздѣтый бѣгать по пароходу съ револьверомъ и называть дамъ свиньями.

Шнейдеръ, увидѣлъ въ коляскѣ знакомыхъ: какую-то толстоносую барыню съ неприличнымъ лицомъ, и молоденькую дѣвушку съ золоти-

стыми по плечамъ волосами, въ широкой шляпѣ съ цветами. Онъ подошелъ къ нимъ, и тоже вѣзъ въ коляску, чтобы было виднѣе...

— Я вѣдь ужъ разъ разжалованъ былъ,—говорилъ мнѣ князекъ чуть не со слезами въ голосѣ.—Мать огорчается,—а что-же мнѣ дѣлать? Я всегда былъ такимъ... Въ гимназіи въ первомъ классѣ четыре года сидѣлъ, просто бѣда. Военные науки какъ-то легче дались, я даже служилъ порядочно,—а теперь приходится безъ толку небо коптить...

— А вы не служили по статской?

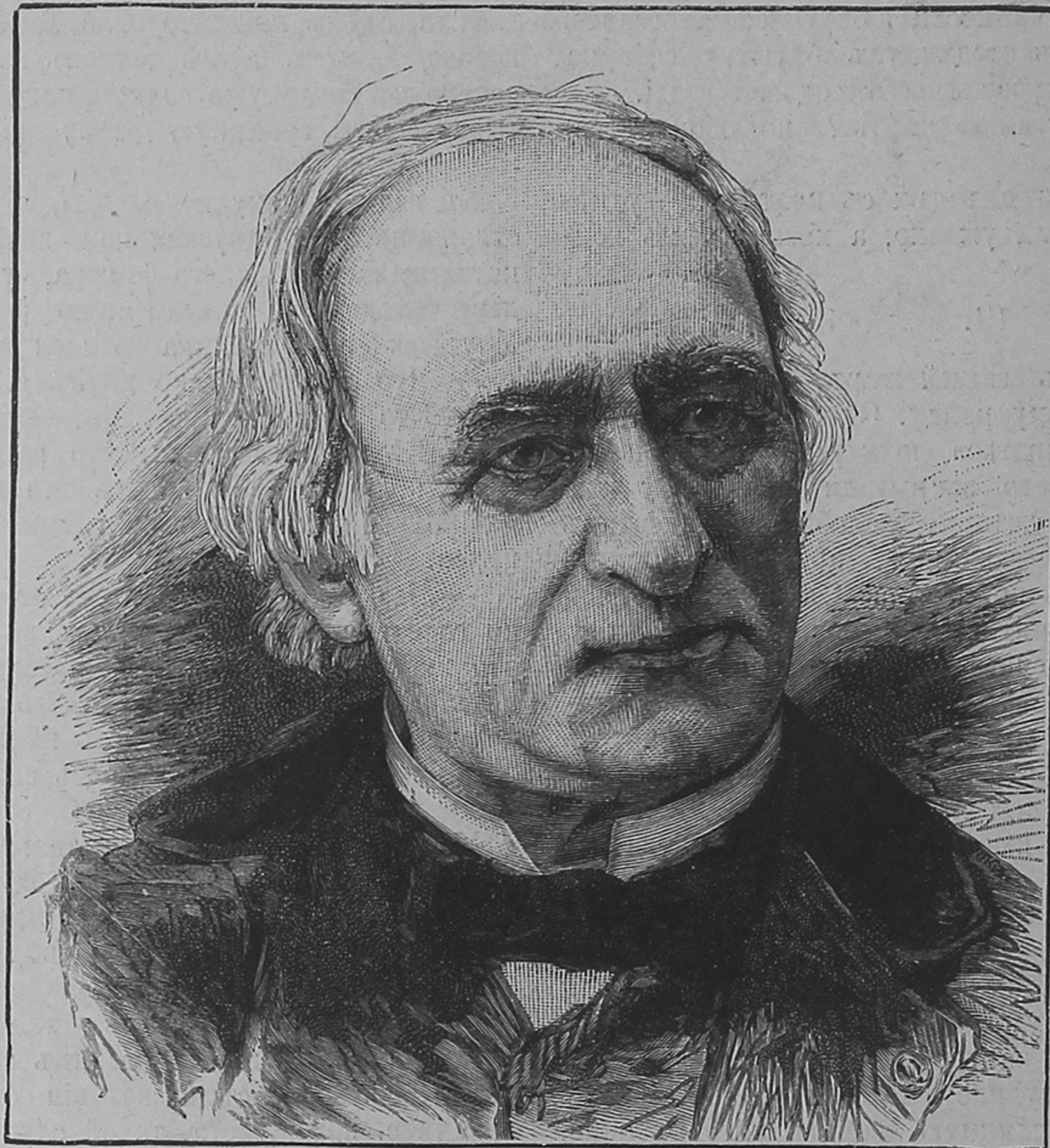
— Конечно служилъ. Чиновникомъ особыхъ порученій былъ при губернаторѣ. Да тотъ къ женѣ меня ревновалъ, и въ отставку заставилъ выйти...

Онъ мнѣ, все съ той-же наивностью началъ рассказывать подробности того, какъ ревновалъ свою жену губернаторъ (ревновать-то онъ имѣлъ полное право), хотѣлъ даже его отдать подъ судъ (все изъ-за жены), что его спасло только родство да связь...

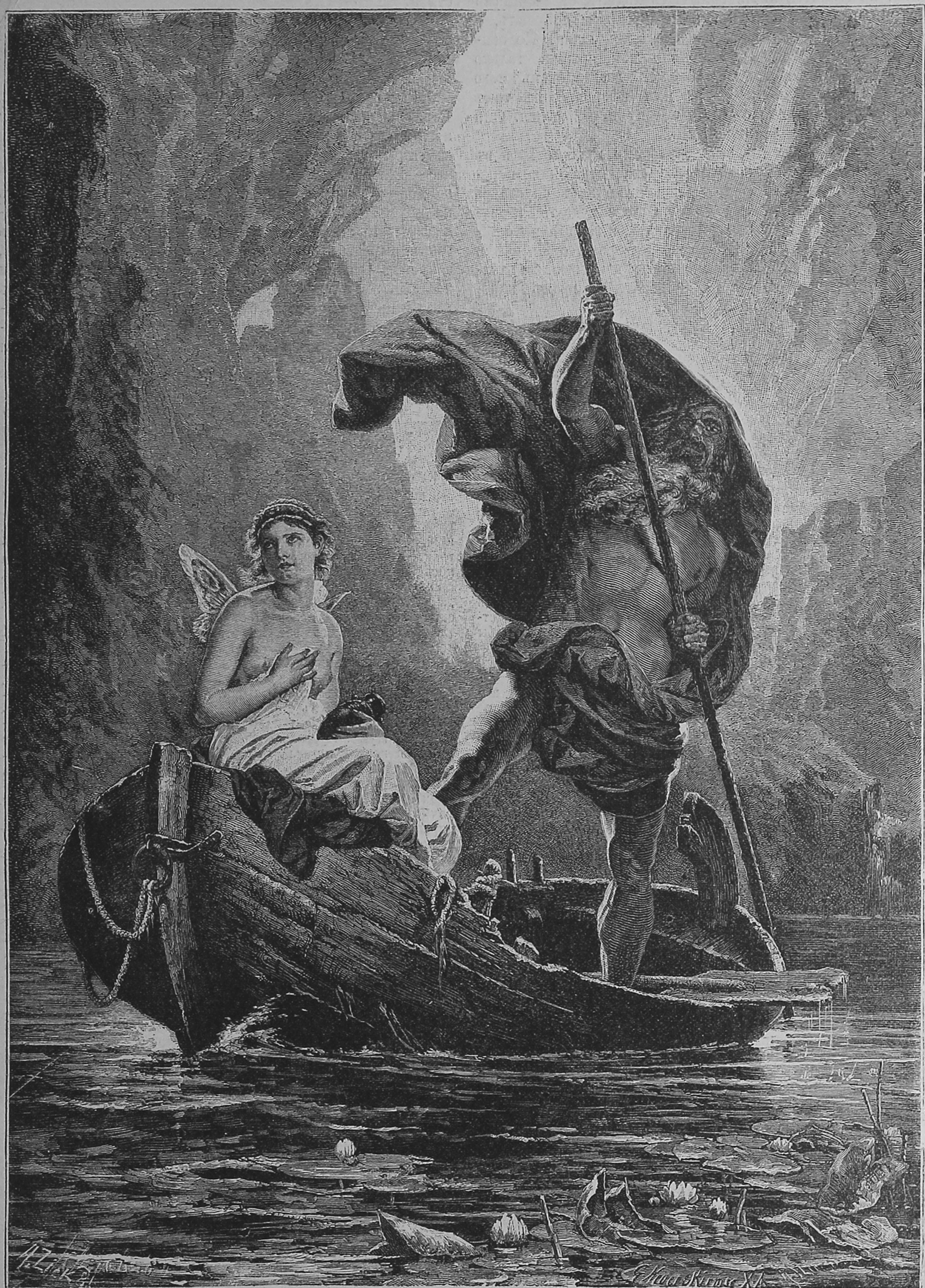
— Коли правду говорить,—я давно бы жилъ гдѣнибудь на чукотскомъ носу,—говорилъ онъ,—хотя въ сущности преднамѣренно мухи не обидѣль. И бумаги-то я важныя терялъ, и купца одного чуть не убилъ, и непріятности изъ-за барынь имѣлъ. Вотъ мнѣ теперь двадцать пять лѣтъ, а мнѣ совсѣмъ ничего не интересно. Вотъ теперь пріѣхалъ на парадъ посмотретьъ, такъ чѣмъ-то старымъ сердце заиграло, службу полковую вспомнилъ,—а то что...

Онъ вдругъ осклабился.

— Знаете, меня въ кружки соціалистические приглашали, агитаторомъ хотѣли сдѣлать,—засмѣялся онъ.

Химинъ, Ж. Дюма. Съ фотографии. Грав. Флюгель.

Харонъ и Психея. Съ картины А. Цикеа, грав. Гауерт.

— Ну и что же вы?

— Три месяца их компанию поилъ. Это въ Москвѣ было, на Никитской. На балы ихъ ходилъ, съ мадамами ихними познакомился. Одной все папиросы покупалъ,— она по тысячи штукъ въ недѣлю выкурила. Но оказался непригоденъ. Такъ и рѣшили. Держали только меня изъ-за того, что денегъ у меня всегда очень много бываетъ. А потомъ побилъ я ихъ вожака,—онъ тамъ мастерскую какую-то содержалъ,—ну и разошелся. Они меня *стилистомъ* все называли...

Между тѣмъ, на равнинѣ захлопали пушки. Имъ въ отвѣтъ, внизу въ лощинѣ заговорила ружейная перестрѣлка. Полки быстро двинулись мимо насъ, спускаясь куда-то за кусты внизъ. Экипажи тоже куда-то тронулись, народъ хлынулъ въ разсыпную, и вскорѣ мы остались вдвоемъ, все съ тѣми-же разговорами о Москвѣ и соціалистахъ. Мимо скакали какие-то верховые, на холмахъ вспыхивали выстрѣлы, перекатный громъ канонады такъ и стоялъ въ воздухѣ...

— Вѣдь вы знаете, — я женатъ, — говорилъ мой спутникъ.

— Вы? на комъ?

— На горничной. На простой горничной.

— Зачѣмъ-же это вы?

Мой пріятель Мёртріэ.

Разсказъ Фр. Коппе.

I.

Было время, когда я служилъ въ одномъ министерствѣ; каждый день, съ десяти до четырехъ часовъ, я становился добровольнымъ узникомъ мрачной канцеляріи съ пожелѣвшими картонами и запахомъ старыхъ бумагъ, доводящими до тошноты. Здѣсь я завтракалъ итальянскимъ сыромъ и яблоками, которые пекъ въ печкѣ, читалъ газету, до объявленій включительно, писалъ никому не известные стихи и даже занимался дѣлами государства, для того чтобы въ концѣ мѣсяца получить известную сумму, которой какъ разъ доставало лишь на то, чтобы не дать мнѣ умереть съ голоду.

Я вспомнилъ въ данную минуту объ одномъ изъ товарищѣй своего заключенія этой приспопамятной эпохи.

Его звали Ахилль Мёртріэ и конечно благодаря своему высокому росту и ужасной наружности, онъ былъ едва ли не достоинъ своего имени.

Это былъ громадный дѣтина лѣтъ сорока, не съ особенно развитою грудью и плечами, но прикрывавшій тѣло широкими полями войлочной шляпы, просторными, короткими жакетками, такими же панталонами, въ крупныхъ клѣткахъ и галстухами бычачьей крови на воротничкахъ *à la Calin*. Свою бороду и волосы, уже сѣдые на вискахъ, онъ стригъ подъ гребенку и очень гордился тѣмъ, что руки были въ волосахъ.

Единственнымъ желаніемъ этого кроткаго и лучшаго изъ товарищѣй было пользоваться атлетическимъ здоровьемъ, мышцами диско-бала и не знать, какъ онъ говорилъ, своей собственной силы. Онъ не позволялъ себѣ ни одного жеста, даже въ своей мирной профессіи, не убѣждающаго зрителей въ его громадной физической силѣ. Когда ему приходилось братъ почти пустой картонъ, онъ подходилъ къ полѣ тяжелой походкой носильщика, схватывалъ его и несъ въ мощно вытянутой руцѣ до сосѣдняго стола, при чёмъ поворачивалъ плечами и хмурился какъ Милонъ Кротонскій. Онъ до того простидалъ эту манію, что даже самые легкіе предметы поднималъ съ мнимымъ усилиемъ и разъ я видѣлъ какъ онъ въ правой руцѣ держалъ корзину со старыми бумагами, а лѣвой вытянулъ горизонтально, какъ противовѣсь этой страшной тяжести.

Я долженъ сознаться, что это мощное созданіе внушало мнѣ глубокое уваженіе, потому что въ то время я былъ еще болѣзненѣй чѣмъ теперь и вслѣдствіе этого относился съ энтузиазмомъ къ физической силѣ, которой у меня не хватало.

Разговоры Мёртріэ не уменьшали того удивленія, которое онъ слушалъ.

Въ особенности лѣтомъ, въ понедѣльникъ, когда мы сходились послѣ праздника, въ буру—онъ заводилъ неистощимые рассказы о своихъ подвигахъ. Снявъ шляпу, жакетку и жилетъ, и отерши лобъ засущеннымъ рукавомъ рубашки, давая понять о своемъ полнокровіи и сангвиническомъ темпераментѣ, онъ запускалъ глубоко руки въ карманы своихъ панталонъ и, стоя возлѣ меня во всемъ величіи своего алломба и мои началь монологъ въ родѣ слѣдующаго:

Какое воскресеніе, милый другъ! Ахъ, какое воскресеніе нѣтъ той усталости, которая могла бы меня сва... Подумайте только—вчера была гонка въ Joinville le Pont!...

— На зло матери. Потомъ валялся въ ногахъ у нея. Цѣлую ночь у ея постели стоялъ на колѣняхъ. Простила.

— Гдѣ-же теперь ваша жена?

— Чортъ ее знаетъ, я даже не справляюсь. За границу уѣхала съ моимъ товарищемъ... Однако мы кажется съ вами съ дороги сбились.

Что мы давно были не на мѣстѣ, это я давно видѣлъ. Вокругъ насъ, то и дѣло проносились ординарцы, и поглядывали на насъ очень недружелюбно. Мы попали въ самую кипѣнь маневровъ.

— Вотъ съ этого пригорка должно быть видно, гдѣ шоссе,—сообразилъ князекъ,—и разбѣжавшись полѣзъ на крутой скатъ холма. Но въ этотъ моментъ совершилось что-то непонятное. Предъ нимъ словно изъ-подъ земли выросъ усатый фейерверкеръ, что-то крикнулъ, замахалъ руками, потомъ схватилъ его за шиворотъ и хватилъ прямо лицомъ о землю. Въ тотъ же моментъ надъ нимъ вспрѣгнулъ бѣлый клубъ дыма, и оглушительный пушечный выстрѣлъ грохнулъ такъ, что адъютантъ, полукругомъ подскакивавшій къ намъ, такъ и пригнулся...

Мы попали на батарею...

(До слѣд. №).

Въ шесть часовъ утра—въ Берси; весь экипажъ „Морской свиньи“—aux Marroniers! И солнце! Пьють бѣлое вино, натягиваю полосатое трико и тиковыя панталоны, берутся за руль и разъ, два, разъ, два—до Жуанвиля! Тамъ—купанье, до завтрака! Въ трико, черезъ бортъ, въ воду! У меня всегда послѣ этого адскій аппетитъ! Хватаюсь одной рукой за лодку, кричу лодочнику: „Дай-ка ветчину!“ Два, три движения—чисто! „Лодочникъ, передай-ка бутылку!“ Два глотка—и сухо! Потомъ еще чего нибудь—задать работу желудку“...

Описаніе длилось все въ этомъ родѣ, блестящее, гомерическое.

„Часъ гонки наступалъ. Полдень. Солнце палило. Лодки выравнивались на переливающей блестками рѣкѣ, противъ палатки, разукрашенной весело бьющими флагами. На берегу виднѣлись: мэръ въ своемъ шарфѣ, жандармерія въ желтыхъ мундирахъ, пестрые лѣтніе туалеты, раскрытые ротики и соломенные шляпы... Пумъ! Пустили сигнальную ракету. „Морская свинья“ прибыла первой и взяла призъ. Никто не чувствовалъ усталости. Затѣмъ назадъ и обѣдать въ Кретэль. Какъ было свѣжо въ эту ночь, подъ темной бесѣдкой въ саду, усѣянной какъ звѣздами огоньками дымящихся трубокъ, въ бесѣдкѣ, куда залетали ночные бабочки, чтобы обжечь крылья о пламя лягницы на киришвассерѣ! Обѣдъ къ концу, подаютъ десертъ—вдругъ призывный свистокъ на балъ въ Вилли. Господа, контрансы! Помѣстямъ! Между тѣмъ соперники гребцы, побѣженные въ это утро, успѣли расхватать всѣхъ хорошенъкіхъ прачекъ. Свалка. Выбитые зубы, подбитые глаза, зывихи и удары головой въ животъ, цѣлая поэма физического энтузиазма, шумной радости и бьющаго черезъ край здоровья; не говоря о возвращеніи назадъ, въ полночь, черезъ переполненные станціи желѣзныхъ дорогъ, съ женщинами—которыхъ надо подсаживать въ вагоны, перекликающимися съ одного конца поѣзда на другой, пріятелями и звономъ трубъ на имперіалахъ.“

Вечера моего товарища были также полны приключений, какъ и его воскресенія. Поединки съ ударами плашмя, въ холщевомъ баракѣ, при красномъ свѣтѣ факеловъ, между нимъ, простымъ любителемъ, и Дюбуа, лично Дюбуа, *человѣкомъ-пушкой*; травля крысъ у водосточныхъ трубъ съ помощью свирѣпыхъ какъ тигры крысоловокъ, кровавыя встрѣчи, ночью, въ ужасныхъ кварталахъ съ ночныхъ ворами и убийцами—все это были самые незначительные эпизоды изъ его ночной жизни. Не смѣю вспоминать другие подвиги, болѣе интимнаго характера, передъ которыми, какъ выражались прежде въ благородномъ стилѣ, самое безстрашное перо отступило бы въ ужасѣ. Какъ ни тяжело мнѣ сознаться въ дурномъ чувствѣ, однако я долженъ сознаться, что мое удивленіе не было лишено горечи и досады. Можетъ быть я даже нѣсколько и завидовалъ, но никогда разсказать о самыхъ удивительныхъ его подвигахъ не возбуждалъ во мнѣ хотя бы малѣйшаго сомнѣнія, и Ахилль Мёртріэ понемногу занялъ въ моемъ сердцѣ мѣсто между героями и полубогами...

II.

За это время я много шатался по окрестностямъ и въ досуги лѣтнихъ вечеровъ предпринималъ уединенные прогулки въ тѣ

далекія окраины города, которая столько же извѣстна Парижанамъ бульваровъ, какъ земля караибовъ, и меланхолическую прелесть которыхъ я попытался впослѣдствіи выразить въ своихъ стихахъ.

Въ одинъ изъ жаркихъ и пыльныхъ юльскихъ вечеровъ, въ тотъ часъ, когда въ туманѣ сумерекъ загораются первые газовые рожки, я медленно возвращался изъ Вожира по одной изъ тѣхъ длинныхъ и скучныхъ улицъ предмѣстія, вдоль которыхъ тянутся дома всевозможныхъ величинъ, а на порогахъ этихъ домовъ сидѣть въ рубашкахъ и камзолахъ дворники и дворничихи, воображая, что дышать свѣжимъ воздухомъ. Проходихъ почти нѣтъ; развѣ только время отъ времени попадется каменщицѣ, бѣлый отъ извести, городской сержантъ, ребенокъ, несущій въ рукахъ хлѣбъ больше себя ростомъ, или торопливо идущая дѣвушка, въ чепчикѣ и ватерпруфѣ, съ кожанымъ мѣшкомъ на руцѣ. Затѣмъ черезъ каждую четверть часа—на половину пустой омнибусъ, возвращающійся къ мѣсту отправленія, подъ тяжелую рысь усталыхъ лошадей.

Шляясь по мостовой (асфальтъ въ то время и въ этихъ мѣстахъ былъ невиданной роскошью) я предавался всѣмъ маленьkimъ и скромнымъ радостямъ фланѣра. То я останавливался передъ какимъ нибудь пустопорожнимъ мѣстомъ и глядѣлъ сквозь худо сколоченные доски забора, какъ позади чернаго силуэта фабричныхъ трубъ, гаснутъ на зеленоватомъ небѣ послѣдніе красные отблески заходящаго солнца; то мелькомъ взглянувъ въ открытое окно нижняго этажа, заставалъ въ расплохъ какую нибудь сцену изъ внутренней жизни, живописную и безъискусственную; здѣсь—молодцоватую, красивую прачку, пробующую щекой утюгъ, передъ тѣмъ какъ гладить; тамъ—рабочихъ съ трубками въ зубахъ, за столомъ подъ низкими сводами кабачка, а передъ ними старого бѣдняка изъ Богемы, съ длинными сѣдыми волосами, выпѣвающаго свою пѣсенку подъ аккомпанементъ гитары.

Все картины во вкусѣ Остада.

Вдругъ я остановился.

Одна изъ этихъ интимныхъ картинъ, невзначай замѣченная мной, въ особенности соблазнила меня, какъ наблюдателя, своимъ буржуазнымъ и очаровательнымъ добродушіемъ.

Эта добрая старушка, въ черномъ платьѣ и вдовьемъ чепчикѣ, сидѣвшая въ своей обветшалой гостиної, на подушкѣ кресла изъ зеленоватаго утрехтскаго бархата, съ руками мирно сложенными на колѣньяхъ, имѣла такой счастливый и покойный видъ! Все вокругъ нея было старо и скромно и сохранилось не столько изъ экономіи, сколько благодаря воспоминаніямъ о медовомъ мѣсяцѣ любви съ румянѣмъ мушиной, одѣтымъ а la Тэмпте въ цвѣтномъ жилетѣ, овальный портретъ котораго украшалъ стѣну. Дѣвѣ свѣчи, зажженныя на каминѣ, позволяли разсмотрѣть всѣ детали устарѣвшей меблировки, начиная со стѣнныхъ часовъ, надъ которыми красовался искусственный персикъ изъ крашенаго мрамора, до прямаго фортепиано, которыхъ теперь не дѣлаютъ и на которомъ когда то молодая женщина, съ рукавами а gigot и причесанная по гречески, безъ сомнѣнія играла арію Романѣзи.

Вѣроятно бѣдная и единственная любимая дочь, не вышедшая замужъ изъ любви къ матери, заботливо посвящала время уходу за старушкой вдовой. Вѣроятно она, это несомнѣнно, такъ уютно помѣстила здѣсь свою добрую матеръ, положила ей подушку подъ ноги, пододвинула къ ней этотъ столикъ наборной работы и поставила на него подносъ съ двумя чашками. Я уже ждалъ, что вотъ сейчасъ войдетъ и внесетъ вечерній кофе тихая и кроткая дѣвушка, вся въ черномъ и очень похожая лицемъ на эту старую даму.

Поглощенный созерцаніемъ такой симпатичной сцены и изъ удовольствія вообразить себѣ эту скромную поэму—я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ открытаго окна, будучи увѣренъ, что въ темной улицѣ никто меня не замѣтить; какъ вдругъ

Л. И. Мельниковъ.

(Рис. на стр. 208).

Наша литература понесла недавно тяжелую потерю: въ Нижнемъ-Новгородѣ, на своей родинѣ, скончался нашъ извѣстный писатель и знатокъ народнаго быта Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, котораго романами „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ еще такъ недавно зачитывалась вся грамотная Россія.

Мельниковъ родился 22-го октября 1819 года; отецъ его, капитанъ, Иванъ Ивановичъ, былъ старый воинъ, участникъ наполеоновскихъ войнъ, по выходѣ въ отставку жившій постоянно въ деревнѣ и служившій по выборамъ дворянства. Павелъ Ивановичъ до десятилѣтняго возраста учился дома, а потомъ поступилъ въ нижегородскую гимназію, изъ которой перешелъ въ 1834 году въ казанскій университетъ, где и окончилъ курсъ со степеніемъ кандидата. Въ 1838 г. онъ вступилъ на службу въ пермскую гимназію старшимъ учителемъ исторіи—предмета, которымъ онъ съ особенной охотой занимался еще на гимназической скамейкѣ. Богатый пермскій край тотъ-же живо заинтересовалъ его; онъ началъ обѣ немъ собирать какъ историческія, такъ и этнографическія свѣдѣнія, посыпалъ заводы и обозрѣвалъ усольскія солеварни. Это было

въ глубинѣ старомодной гостиної открылась дверь и ввалился (ахъ, какъ онъ былъ далекъ тогда отъ моихъ мечтаній!) мой пріятель Мѣртрѣ, мощный герой рѣчныхъ гонокъ и ярмарочныхъ поединковъ. Сомнѣніе мгновенно запало мнѣ въ голову. Я почувствовалъ, что недалекъ отъ раскрытия тайны. Да, это былъ онъ! Его страшная, покрытая волосами рука держала крошечный серебряный кофейникъ, а за нимъ слѣдомъ, путаясь у него въ ногахъ, шла собаченка, классическая собаченка всѣхъ слѣпыхъ кларнетистовъ, собаченка картины Виньерона, острѣженная на подобіе льва, съ мѣховыми манжетами на лапахъ и большими бѣлыми усами, какъ у опереточныхъ маркизовъ.

— Вотъ кофе, матушка! сказалъ великанъ необыкновенно тихимъ голосомъ. Я думаю, что сегодня онъ тебѣ понравится. Вода хорошо вскипѣла и я лиль ее по каплѣ.

— Благодарю, отвѣтила старушка, пододвигая со старческой торопливостью кресло къ столику. Благодарю, мой милый. Покойный твой отецъ говорилъ, что я не имѣла соперницъ въ приготовленіи кофе. Онъ былъ такъ добръ и снисходителенъ, бѣдняжка. У него было такое золотое сердце! Теперь я начинаю думать, что ты варишь кофе еще лучше меня.

Въ эту минуту, въ то время какъ Мѣртрѣ наливалъ горячій кофе, такъ деликатно какъ молодая дѣвушка, сбирающаяся замужъ, собаченка, привлеченнная конечно открытой сахарницей, поставила свои переднія лапы на колѣни хозяйки.

— Поди прочь, Медоръ! крикнула старушка съ добродушнымъ негодованіемъ. Развѣ можно быть такимъ нетерпѣливымъ? Вѣдь ты знаешь, что твой хозяинъ всегда оставляетъ тебя на днѣ чашки... Тише! Подожди! Ахъ, кстати, замѣтила старушка, обращаясь къ сыну, ты выпускалъ его?

— Конечно, матушка, почти дѣтскимъ голосомъ отвѣчалъ тотъ. Я ходилъ въ молочную взять тебѣ молока на завтрашнее утро; надѣль на Медора ошейникъ и увелъ съ собой.

И успокоенная насчетъ этого важнаго пункта, добрая старушка съ наслажденіемъ попробовала свой кофе, сидя между своей собакой и сыномъ, которые оба смотрѣли на нее съ неизразимой нѣжностью.

Слушать и смотрѣть дольше—было теперь совершенно излишне и я уже угадалъ, какую мирную и преданную жизнь скрывалъ Мѣртрѣ подъ своими химерическими рассказами о своихъ подвигахъ.

Но зрѣлице, которое доставилъ мнѣ случай, было до такой степени трогательно и вмѣстѣ комично, что я не могъ удержаться отъ желанія насладиться имъ еще нѣсколько минутъ—и эта нескромность открыла мнѣ всю правду.

Да, этотъ типъ грубаго кутилы, который казалось сбѣжалъ изъ романа Поль-де-Кока, этотъ деспотъ маленькихъ кабачковъ и поливныхъ, свершалъ бодро и просто, въ этой бѣдной квартирѣ предмѣстія—высокія обязанности сестры милосердія. Этотъ неутомимый гребецъ если совершалъ странствованія, то не дальше какъ до ближайшей церкви, куда водилъ къ обѣдѣ и вечернѣ свою матеръ по воскресеньямъ; этотъ профессоръ биллардной игры умѣлъ играть только въ безикъ со старушкой; этотъ укротитель бульдоговъ—подчинялся прихоти собаченки...

III.

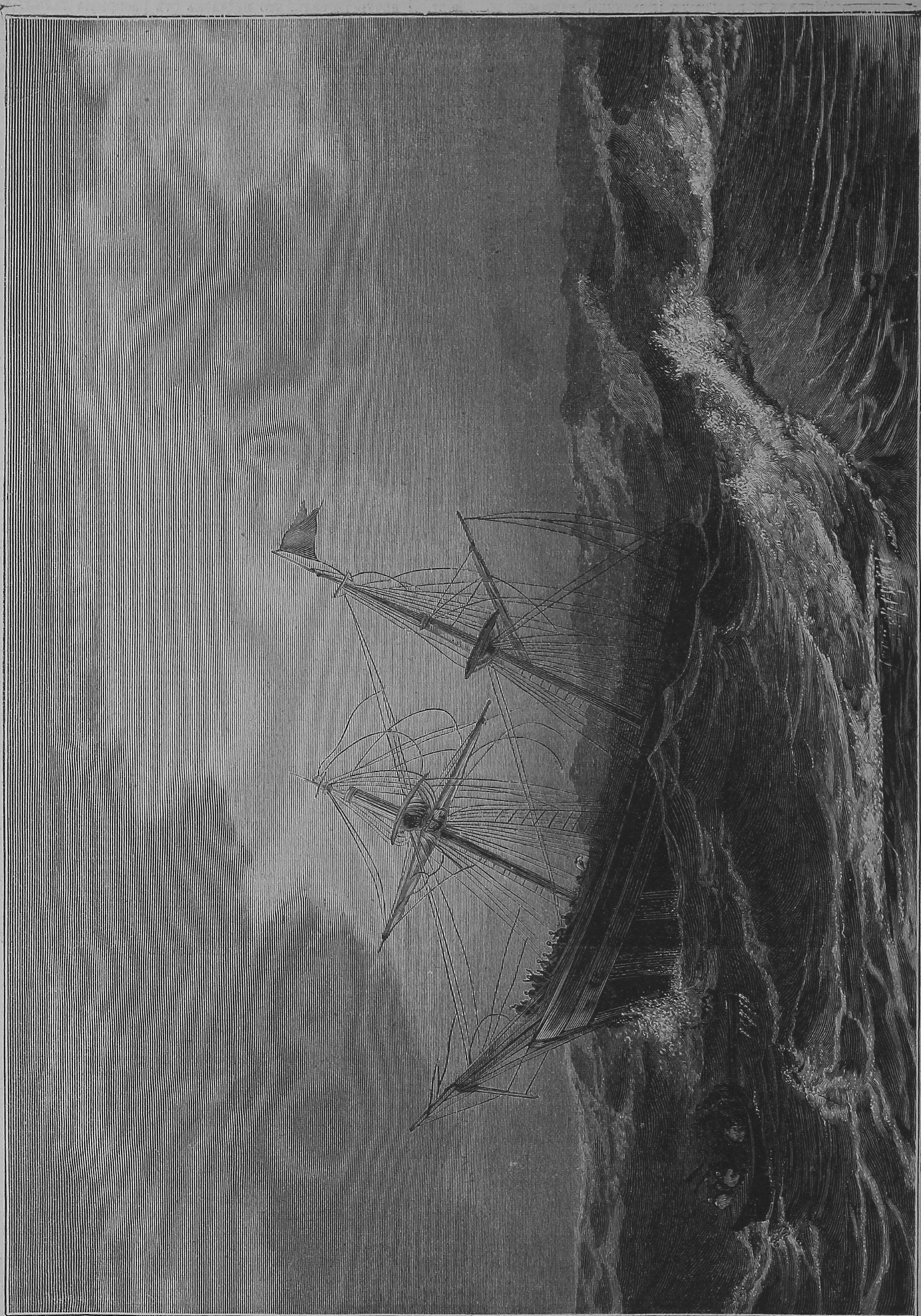
На другое утро, прійдя въ бюро, я спросилъ у своего пріятеля, какъ онъ провелъ вчерашній вечеръ, и онъ безъ малѣшаго колебанія импровизировалъ мнѣ цѣлую исторію зловѣщей встрѣчи, въ два часа утра, на бульварѣ Ада, при чемъ довелось пришибить ударомъ кастета какого то ужаснаго бродягу.

Я слушалъ его улыбаясь почти иронически и думалъ этимъ его смутить; но вспомнивъ—какое это скрываемое имъ отъ всѣхъ доброе дѣло, даже если оно выходить и смѣшно,—я дружески ударилъ его по плечу и сказалъ съ чувствомъ:

— Мѣртрѣ, вы—герой!

первое знакомство Мельникова съ народомъ—знакомство самое близкое и короткое, такъ какъ Павелъ Ивановичъ любилъ, по его собственному выраженію, изучать народъ „лежа у мужика на палатахъ, а не сидя въ бархатныхъ креслахъ, въ кабинетѣ, да не разѣзжалъ по почтовымъ дорогамъ, по казенной надобности“.

Въ 1839 году Мельниковъ былъ переведенъ учителемъ на свою родину, въ нижегородскую гимназію, и съ этихъ поръ вся его дѣятельность посвящена была многимъ годамъ изученію своего роднаго края. Въ это же время онъ началъ серьезно заниматься русской исторіей и изслѣдованиемъ раскола, въ которомъ сдѣлался впослѣдствіи замѣчательнымъ специалистомъ. На педагогическомъ поприщѣ онъ подвизался недолго, такъ какъ въ 1841 году былъ назначенъ тогданимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Уваровымъ, оцѣнившимъ его способности, членомъ-корреспондентомъ археографической комиссіи съ порученіемъ разобрать какъ архивы присутственныхъ мѣстъ, такъ и монастырей Нижегородской губерніи. Кромѣ того, въ это же время, по волѣ Государя, на Мельникова была возложена

Буя. Съ картины Айвазовского, по фотогр. Вишнякова грав. М. Ращевский.

Спасо-Прилуцкий монастырь близъ г. Вологды. Съ фотогр. Зубова и Лаптева, грав. М. Раппесеи.

крохотливая работа — отыскание по документамъ потомковъ Минина. Потомки не нашлись впрочемъ по очень простой причинѣ, такъ какъ единственный сынъ Минина, стряпчій Недѣль умеръ бездѣтнымъ; но за то поиски Павла Ивановича привели его къ открытію многихъ интересныхъ историческихъ подробностей, касающихся какъ эпохи междуцарствія, такъ и рода Мининихъ. Поступивъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ военному губернатору, Мельниковъ уже имѣлъ случай всесторонне ознакомиться какъ съ народнымъ бытомъ, такъ и съ состояніемъ губерніи, тѣмъ болѣе, что онъ въ тоже время состоялъ редакторомъ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ и управлялъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ. Въ отношеніи же знакомства съ нижегородскими древностями П. И. уже и тогда не имѣлъ себѣ соперника, а потому всегда назначался путеводителемъ, когда приѣзжали въ Нижний члены Царского семейства или другія замѣчательныя лица.

Въ 1850 году Мельниковъ былъ переведенъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ, не покидая впрочемъ дорогой ему Нижегородской губерніи, гдѣ онъ продолжалъ служить до 1852 года, занимаясь ревизіей городскихъ учрежденій. Эта обязанность и кромѣ того другія официальные порученія давали ему теперь случай часто сталкиваться съ сословиемъ мѣстного мѣщанства и купечества. Какъ результатъ этого изученія въ „Москвитянинѣ“ 1852 г. появилась его повѣсть „Красильниковы“, первое произведеніе, обратившее на него вниманіе критики и обнаружившее его сильный литературный талантъ. Впрочемъ повѣсть „Красильниковы“ не была его первымъ литературнымъ опытомъ; еще задолго до ея появленія Павелъ Ивановичъ помѣщалъ статейки въ „Литературной Газетѣ“ и между прочимъ двѣ главы изъ „Эльпидифора Перфильича“ и стихотвореніе, заимствованное у Мицкевича „Великій художникъ“. Псевдонимъ-же Мельникова „Печерскій“ сталъ извѣстнымъ впослѣдствіи и принятый имъ потому, что онъ въ Нижнемъ-Новгородѣ жилъ на Печорской улицѣ, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ появлялся подъ многими статьями „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“.

Замѣчательный успѣхъ повѣсти „Красильниковы“ поощрилъ Мельникова на другія литературные труды, но строгій къ себѣ, онъ подготавлялъ ихъ медленно, и даже часто, написавъ какую нибудь статью, вскорѣ предавалъ ее сожженію. Пять лѣтъ Мельниковъ упорно молчалъ и ни одно изъ его произведеній не появлялось въ печати, но за то въ это время онъ успѣлъ собрать громадные материалы и подъ руководствомъ Даля освоиться со всѣмъ богатствомъ русского народного языка. Кромѣ того самыя служебныя обязанности, какъ нельзѣ болѣе, помогали ему въ изученіи народа во всѣхъ отношеніяхъ; такъ въ 1852 году онъ завѣдалъ статистической экспедиціей для подробнаго описанія Нижегородской губерніи, а съ 1853 по 1857 г. онъ былъ въ постоянныхъ разѣздахъ по всему Приволжью, сталкиваясь со множествомъ народныхъ типовъ, наблюдая ихъ и въ скитахъ, и на баркахъ, и въ мужицкихъ избахъ. Наконецъ въ 1857 г., въ эпоху наибольшаго развитія у насъ такъ

называемой обличительной литературы, Мельниковъ нарушилъ свое молчаніе цѣлымъ рядомъ талантливыхъ произведеній, обличавшихъ пороки стараго, дoreформенного времени. Тогда-то появились его „Поярковъ“, „Дѣдушка Поликарпъ“, „Старые годы“ и „Медвѣжій уголъ“. Послѣднее произведеніе особенно интересовало общество, такъ какъ въ немъ авторъ выставилъ такія злоупотребленія, о которыхъ еще никогда ни одной строки не появлялось въ печати. За „Медвѣжімъ угломъ“ слѣдовали небольшіе, но не менѣе талантливые разсказы „Непремѣнныи“, „Имянинный пирогъ“ и „Бабушкины разсказы“. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ на ряду съ испорченностью и злоупотребленіями нашей бюрократіи авторъ какъ-бы въ контрастъ выставляетъ на показъ привлекательныя и добрыя качества народа, о которомъ онъ такъ выразился въ одномъ изъ своихъ произведеній:

„Смѣтливый, добрый и умный народъ... Вооружась терпѣніемъ, чистъ, свѣжъ, бодръ и юнъ вышелъ онъ изъ горнила испытаній“. Но эта теплая любовь къ народу не мѣшала Мельникову указывать на его заблужденія и на тѣ темныя стороны, которыя такъ ярко отражаются въ нашемъ расколѣ. Изучивъ раскольниковъ по всему поволжью, вникнувъ во всѣ подробности ихъ быта и понятій, Павелъ Ивановичъ находилъ въ себѣ достаточно силы, чтобы предпринять большой и серьезный литературный трудъ, посвященный главнымъ образомъ художественному описанію жизни раскольниковъ. Результатомъ этой громадной работы — были два его замѣчательныхъ романа „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ — послѣдняго его произведенія, достойно закончившія его богатую литературную дѣятельность. Въ нихъ талантъ П. И. развернулся во всей своей шире и авторъ является здѣсь великимъ знатокомъ русской жизни и русского народного духа. Таинственный, мрачный міръ нашихъ раскольниковъ и старообрядцевъ здѣсь раскрывается въ яркихъ поразительныхъ картинахъ и передъ читателемъ являются такія цѣльные, нетронутые еще нашей литературой типы, что невольно удивляешься наблюдательности автора, съумѣвшаго найти ихъ въ скитахъ и другихъ раскольничихъ трущобахъ поволжья. Художественная сторона разсказа также невольно увлекаетъ читателя; всѣ эти роскошныя картины природы, всѣ эти описанія нашихъ дремучихъ, вѣковыхъ лѣсовъ, съ ихъ непроходимыми чащами, блещущей необыкновенной яркостью и жизнью. Объ языке мы уже не говоримъ; языкъ Мельникова неподражаемъ по своей образности и чисто русскому народному складу.

Но передавая какъ мрачныя, такъ и свѣтлыя стороны нашего стариннаго быта, Мельниковъ никогда не идеализируетъ и не подкрашиваетъ нашей старины; онъ неизѣнныи поклонникъ новаго, лучшаго порядка... „Прошли, миновали, говорить онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, безпутные, старые годы! Благодаря Бога они не возвратятся... Прошла пора дикаго самоуправства, тулаго презрѣнія къ народу, безвѣрія, надменнаго высокомѣрія, такъ легко переходящаго въ подлость и униженіе. Слава Богу!“

Принцы царствовавшихъ во Франції фамилій.

(Рис. на стр. 209).

Ко всѣмъ дѣламъ своего республиканскаго правительства очень терпѣливо относились сами французы; однако, повидимому, и ихъ терпѣніе нынѣ не выдержало. Первымъ выступилъ, какъ извѣстно, принцъ Наполеонъ. Онъ издалъ манифестъ (содержаніе было передано въ нашемъ Политическомъ Обозрѣніи), въ которомъ перечислилъ всѣ благіе результаты республиканскаго правленія. Появленіе этого манифеста, очевидно не грозившее возбудить во Франціи какое нибудь необычайное потрясеніе,— вызвало наружу болѣе, чѣмъ характерный признакъ непрочности республики, признакъ, сказавшійся въ томъ страхѣ, въ томъ испугѣ, который охватилъ всѣхъ ея сторонниковъ. Принцъ Наполеонъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ, и, затѣмъ, предложенъ палатѣ депутатовъ законопроектъ объ изгнаніи „претендентовъ“; не менѣе характерно и самое название, совершиенно ясно выражавшее тревогу республики. Флокэ предложилъ немедленно высылку всѣхъ принцевъ, но палата депутатовъ, отвергнувъ это предложеніе, приняла слѣдующій правительственный проектъ: 1) члены царствовавшихъ во Франціи домовъ не могутъ служить ни по выборамъ, ни въ гражданской, ни въ военной службѣ; 2) президентъ республики, отдавшимъ въ совѣтъ министровъ декретомъ, можетъ предписать означенными лицамъ немедленно выѣхать изъ Франціи, если присутствіе ихъ было-бы признано угрожающимъ безопасности государства, и 3) всякое изъ означенныхъ лицъ, которое, будучи препровождено за границу, возвратилось-бы безъ разрѣшенія во Францію, будетъ привлечено къ суду исправительной полиціи и приголовлено къ тюремному заключенію на срокъ отъ 1 до 3 лѣтъ; проектъ былъ переданъ въ сенатъ; эта высшая палата разошлась съ пизшею, и желая отклонить исключительный законъ, отвергла статью, воспрещавшую принцамъ служить своему отечеству, и постановила, что выслано можетъ быть всякое лицо, дѣйствія котораго будутъ, судомъ присяжныхъ или сената, при-

знаты направленными противъ безопасности государства. Измѣненный сенатомъ законопроектъ переданъ, въ свою очередь, въ палату депутатовъ, которая, отклонивъ его совершенно, возвратилась къ своему, съ нѣкоторыми уступками. Вслѣдствіе всего этого сенатъ и палата депутатовъ пришли въ столкновеніе, кабинетъ подалъ въ отставку, составился уже новый кабинетъ; понемногу, обнаруживается и — какъ мы сказали выше — нетерпѣніе, если уже не негодованіе Франціи; уставъ взирать на безплодную для страны и плодотворную только для гг. депутатовъ парламентскую борьбу изъ-за преобразованія, Франція возвысила свой голосъ, въ лицѣ торговыхъ и промышленныхъ и даже—рабочихъ классовъ—они требуютъ отъ президента „прочнаго министерства“, болѣе того — пересмотръ конституціи, въ видахъ установленія нормальныхъ отношеній между законодательной и административной властями. Но республика этого не дастъ, а могутъ-ли оставаться неудовлетворенными требованиями производительныхъ силъ государства, непосредственныхъ факторовъ его экономической жизни?— Скажемъ теперь нѣсколько словъ о тѣхъ, противъ кого вооружилась республика, о тѣхъ, имена которыхъ напоминаютъ бывшее величие когда-то могущественной и славной Франціи. Въ нашемъ очеркѣ, мы поименуемъ главныхъ членовъ трехъ царственныхъ домовъ; тутъ-же приложены и ихъ портреты. Фамилію Бонапартовъ, въ настоящее время составляютъ: 1) вдова императора Наполеона III-го, императрица Евгения, родившаяся 5-го мая 1826 года; императрица происходит изъ знатнаго испанскаго дома Монтіхо и Тѣба, за покойнаго императора она вышла вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ Франціи, а именно 29-го января 1853 года; 16-го марта 1856 года отъ этого брака родился императорскій принцъ, такъ безвременно сошедшій въ могилу; хотя это событие и умалило политическую роль, но, тѣмъ не менѣе, она продолжаетъ

Графъ Шамборъ.

Графиня Шамборъ.

Принцъ Жуанвильскій.

Герцогъ Монпансье.

Герцогъ Немуръ.

Герцогъ Омальскій.

Графъ Парижскій.

Герцогъ Шартрскій.

Графиня Парижская.

Герцогиня Шартрская.

Герцогъ д'Алансонъ.

Графъ д'Э.

Императрица Евгения.

Принцъ Жеромъ Наполеонъ.

Принцесса Клотильда.

Принцеса Матильда.

Принцъ Роландъ Наполеонъ.

Принцъ Викторъ Наполеонъ.

Принцъ Луи Наполеонъ.

Вопросъ о принцахъ во Франції: представители царствовавшихъ во Франції фамилій,
Съ фотogr. грав. Гельштейнъ.

гій сонъ. Изображеніе Психеи на прилагаемой нами картинѣ дѣйствительно прелестное; оно отличается воздушностью и грациозностью, тогда какъ Харонъ — этотъ перевозчикъ чрезъ черныя волны Стикса — отличается своей мощной фигурой.

Спасо-Прилуцкій монастырь близъ Вологды.

(Рис. на стр. 205).

Въ пяти верстахъ отъ Вологды, на лѣвомъ, широкомъ, красивомъ берегу рѣки того же имени, широко раскинулись каменные стѣны и зданія Спасо-Прилуцкой обители — одной изъ самыхъ чтимыхъ народомъ святынь нашего сѣвера. Начало ея относится къ XIV вѣку, когда въ Вологодскіе предѣлы пришелъ мужъ святой и подвижнической жизни — Дмитрій, уроженецъ Переяславля Залѣсскаго. Сначала онъ подвизался въ Переяславской обители и здѣсь сдѣлался извѣстенъ своими христіанскими добродѣтелями самому Великому Князю Дмитрію Ивановичу; но строгаго монаха неудержимо влекъ къ себѣ далекій и пустынныій сѣверъ, гдѣ среди тишины и безлюдья онъ хотѣлъ всецѣло посвятить себя служенію Богу. Чтобы выполнить это завѣтное желаніе, онъ сначала поселился на рѣкѣ Лежѣ и Великой, а потомъ перешелъ на берега рѣки Вологды, гдѣ и избралъ място для основанія обители. Въ 1371 г. здѣсь уже была построена имъ деревянная Спасо-Происхожденія Честныхъ Древъ церковь и мало по малу возникъ монастырь, которому тогда же дано было название Спасо-Прилуцкаго, по его положенію при сѣнокосной лукѣ, т. е. лугѣ. Первоначально скромная по размѣрамъ, обитель начала понемногу расширяться и обстраиваться, благодаря богатымъ вкладамъ какъ Великихъ Князей, такъ и частныхъ жертвователей. Такъ въ 1557 году здѣсь была отстроена большая двухэтажная, донынѣ существующая, каменная церковь, а въ 1645 году каменный соборъ, вмѣстившій въ себѣ моши св. Дмитрія Прилуцкаго и св. Князя Ioanna, внука Великаго Князя Василія Темнаго. Затѣмъ въ 1656 году воздвигнуты были вокругъ всего монастыря каменные стѣны, съ обходомъ и большими четырьмя башнями, имѣющими въ высину и ширину до десяти сажень и кромѣ того монастырь украсился каменными, какъ настоятельскими, такъ и братскими кельями и двумя высокими колокольнями. Теперь въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ существуетъ шесть церквей: двѣ большія — соборная и во имя преподобныхъ Дмитрія и Игнатія Вологдо-Прилуцкихъ чудотворцевъ и четыре маленькия, около трапезы, больничная надъ одними изъ воротъ и при колокольнѣ.

Въ цѣломъ рядъ вѣковъ тихой, сурово-подвижнической жизни обители не обошлось и безъ бурныхъ, печальныхъ событий.

Самодѣйствующій воздухоочиститель.

Такъ, вскорѣ послѣ основанія монастыря, въ концѣ XIV вѣка, когда Вологда принадлежала еще къ Новгородской области, на него напали Устюжане и Вятчане, предводимые воеводами Московскаго Великаго Князя Василія Дмитріевича. По преданію, храмъ обители былъ бы неминуемо ограбленъ, если бы не случилось чудо; одинъ изъ грабителей неожиданно упалъ въ храмъ мертвымъ, и устрашенные этимъ воеводы удалились со всей дружиной, не смѣя болѣе коснуться монастырскихъ сокровищъ. Впрочемъ въ 1613 г. обитель была страшно разграблена литовцами, причемъ погибло болѣе 200 монаховъ, а въ 1615 она была снова разрушена и сожжена вмѣстѣ съ Вологдою ляхами и казаками.

Въ 1503 году Спасо-Прилуцкій монастырь оказалъ важную услугу отечеству; отсюда была послана чудотворная икона Преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго, для сопровожденія Ивана Васильевича въ его походѣ на Казань. По окончаніи похода признателный Великій Князь украсилъ икону золотомъ и серебромъ и возвратилъ ее въ Вологду. Все населеніе города вышло ей тогда на встрѣчу, съ епископомъ Стефаномъ во главѣ, и въ память этого радостнаго события Вологжане тогда же положили, ежегодно праздновать день этой встречи 3-го июня, и совершать крестный ходъ изъ Вологодскаго собора въ Прилуцкій монастырь. И это знаменательное религиозное торжество выполняется и понынѣ, всегда привлекая громадную массу народа, изъ самой Вологды, и изъ ея окрестностей.

Самодѣйствующій воздухоочиститель.

(Рис. на стр. 210).

Очищеніе воздуха въ комнатахъ, особенно въ большихъ городахъ со скученнымъ населеніемъ, гдѣ заразныя болѣзни весьма легко распространяются, представляетъ большую важность и нельзя не обращать вниманіе на каждое нововведеніе и усовершенствованіе въ этомъ смыслѣ.

Изящный и весьма красиво устроенный въ видѣ комнатнаго фонтана воздухоочиститель (Генричи изъ Цвикау) дѣйствуетъ безъ помощи человѣка, самъ собою. Это очень хорошо, такъ какъ со всѣми пульверизаторами и воздухоочистителями главное неудобство это — ручная работа, что отнимаетъ время и утомляетъ. Здѣсь, какъ видно на рисункѣ, посредствомъ нагреванія образуются пары, которые дѣйствующа снизу, выталкиваютъ наружу, въ видѣ цѣлаго облака, массу очищающей воздухъ, тонкой, влажной пыли, которая наполняетъ и освѣжаетъ комнату. Этотъ воздухоочиститель особенно хорошъ въ комнатахъ душныхъ, въ спальняхъ большихъ и т. п. Цѣна его очень даетъ возможность болѣе широкаго его распространенія.

У насъ въ Петербургѣ можно купить этотъ приборъ въ магаз. Гитцль (Невскій, противъ Публичн. Библ., № 54).

СКОЛЬКО ПИЩИ ЕЖЕДНЕВНО ПРИНИМАЕТЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

Очеркъ.

На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить совершенно точно. Питательные свойства пищи, а равно возрастъ и различныя состоянія человѣка обусловливаютъ отступленія отъ установленной нормы. Высчитано, что среднее число потребляемаго человѣкомъ углерода составляетъ 210 граммъ (граммъ — около $\frac{1}{4}$ золот.) въ спокойномъ состояніи, 337 — въ движеніи обыкновенномъ, 388 — при сильномъ движеніи и при тяжелой работе 405 грам.; утверждаютъ также, что азотная пища должна относиться къ безазотной какъ 1 къ 5. Но все это хотя высчитано для очень многихъ людей, не можетъ быть пригоднымъ для каждого человѣка. Сарторіусъ опре-

дѣляетъ ежедневное количество пищи въ 4,000, Рей въ 2,500 и и при сильномъ расходованіи тканей въ 3,500 граммъ; Горнже опредѣляетъ въ 1,500 гр., а Валентинъ собственно для себя опредѣляетъ ежедневное количество пищи въ 3,000 гр., Корнаро только въ 500 гр. для себя. Сюда включено было 270 гр. легкаго вина, такъ что плотной пищи остается только 250 грам. Корнаро при такой пище живъ 58 лѣтъ.

Такая разница указываетъ на то, какъ мало можно руководствоваться подобными вычисленіями. Вѣрнѣе ставить количество пищи въ отношеніе къ вѣсу тѣла. Валентинъ опредѣ-

лять количество пищи для взрослого человека въ $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{10}$ вѣса тѣла и для ребенка въ $\frac{1}{10}$.

Но существует общее правило, что въ холодныхъ климатахъ ёдять гораздо болѣе, нежели въ теплыхъ, и зимою болѣе, нежели лѣтомъ. Либихъ объясняетъ это такъ: „Аппетитъ увеличивается отъ большей потери теплоты. Наше патье равнозначащее известному количеству пищи. Чѣмъ теплѣе мы одѣваемся, тѣмъ менѣе мы чувствуемъ позыва къ ёдѣ, такъ какъ потеря тепла уменьшена и слѣдовательно нѣтъ потребности увеличивать количество ея пищей“. Онъ идетъ еще далѣе и объясняетъ прожорливость холода; онъ говоритъ: „Если-бы мы ходили нагими какъ известные дикия племена, или если-бы при рыбной ловлѣ или охотѣ, мы подвергались такому холоду какъ самѣды, то мы были-бы въ состояніи выпивать тоже количество какъ и они рыбьяго жира, безъ дурныхъ для насъ послѣствій, такъ какъ только водородъ и углеродъ этого вещества могъ-бы уравновѣшивать вѣшнюю температуру съ температурой нашего тѣла“.

Но какъ объяснить прожорливость готтентотовъ, которые ею превосходятъ самоѣдовъ и которые не подвергаются сильному холоду. Барровъ разсказываетъ, что во время своего путешествія по Южной Африкѣ онъ видѣлъ, какъ десять готтентотовъ съѣдали средней величины вола въ три дня. Такимъ образомъ тридцать готтентотовъ могли-бы съѣсть его въ одинъ день. Но если вспомнить напримѣръ, что для баталіона нѣмецкихъ солдатъ, состоящаго изъ тысячи человѣкъ, было-бы совершенно достаточно одного вола, то окажется, что готтентотъ ёстъ въ $33\frac{1}{2}$ раза болѣе говядины, чѣмъ нѣмецкій солдатъ во время войны. Далѣе Барровъ говоритъ, что три „льсовика“ цѣлую овцу, которую имъ дали въ пять часовъ пополудни, съѣдали къ утру слѣдующаго дня. Они ёли цѣлую ночь, пока не покончили животное. Послѣ этой роскошной трапезы, плоскіе ихъ животы вздулись и они еще менѣе чѣмъ до того, походили на людей.

Такимъ образомъ видя съ одной стороны жителей холодныхъ странъ, лапландцевъ, норвежцевъ и исландцевъ, не отличающихся прожорливостью, и съ другой стороны наблюдая ее въ жаркихъ странахъ, приходить къ заключенію, что прожорливость не обусловливается холодомъ, хотя этотъ послѣдній всегда требуетъ потребленія очень жирныхъ веществъ. Такъ напримѣръ, при недостаткѣ жирной пищи, жители полярныхъ странъ заболеваютъ и умираютъ. Что-же касается эскимосовъ, то Ростъ полагаетъ, что эскимосъ ежедневно можетъ потребить 10,000 граммъ говядины и жира, если-бы таковыми онъ всегда могъ располагать. Капитанъ Парри давалъ несовѣсѣмъ взрослому эскимосу слѣдующіе продукты: 2,125 гр. мерзлого моржеваго мяса, 2,125 гр. такого-же мяса варенаго, 875 гр. хлѣба и хлѣбнаго порошка; всего-же 5,125 граммъ. Молодой эскимосъ покончилъ все это въ 20 часовъ, притомъ вышилъ еще: $1\frac{1}{4}$ метра горячаго супа, 3 стакана чистой водки, стаканъ крѣпкаго грэга и около 6 литровъ воды; такимъ образомъ всего 7,000 гр. жидкок-

стей. Капитанъ Кохранъ разсказываетъ въ своемъ „путешествіи по Россіи и Сибири“, что адмиралу Сарачеву было донесено, что одинъ якутъ можетъ съѣсть въ сутки заднюю четверть вола съ 10,000 гр. жира и выпить при этомъ соответствующее количество топленаго масла. Адмиралъ велѣлъ позвать этого обжора и далъ ему 1,500 гр. вареной рисовой каши, вѣшившей 14,000 гр. И хотя якутъ недавно завтракалъ, но тѣмъ не менѣе съѣлъ все съ жадностью. Кохранъ видѣлъ также, что три якута съѣдали за-разъ цѣлаго оленя, а также теленокъ, вѣшившій 100 килограммъ (1 кил.=около $2\frac{1}{2}$ фунт.), съѣдался пятью якутами также въ одинъ разъ.

Этими фактами гораздо менѣе чѣмъ научными вычисленими приводится въ известность потребное для человѣка количество пищи, въ особенности если принять во вниманіе количество пищи, потребляемое нѣкоторыми животными. Собаки и кошки ёдять въ сутки $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{8}$ часть вѣса своего тѣла, корова 23, лошадь $7\frac{1}{2}$ килогр. сѣна и 2,250 гр. овса, свинья 7 кил. картофеля; мышь, сравнительно со своимъ вѣсомъ, ёстъ въ восемь разъ болѣе, нежели человѣкъ, а нѣкоторыя гусеницы съѣдаются ежедневно количество пищи вдвое болѣе вѣса ихъ тѣла.

Несмотря однако на эти примѣры, подаваемые намъ другими животными, а также и на тѣ, какіе мы видимъ на дикихъ народахъ, принимающихъ пищу очень неправильно и возмѣщающихъ временными излишествомъ известный періодъ голода, путемъ эмпирическимъ, т. е. на основаніи опыта, дошли до опредѣленія того, сколько именно человѣкъ долженъ ежедневно принимать пищи, чтобы оставаться здоровымъ и сильнымъ. Это необходимо было для установленія возможно правильного питанія солдатъ, матросовъ, плѣнныхъ и находящихся въ госпиталяхъ. Дневной рационъ англійскаго солдата составляетъ 500 граммъ хлѣба и 375 гр. говядины; обѣ остальной провизіи онъ заботится самъ. За то англійскій морякъ получаетъ ежедневно около 4,58 литра пива, 31,25 гр. какао, 46,88 гр. сахара, 7,8 гр. чаю, 225 гр. овощей, 500 гр. хлѣба и 500 гр. говядины. Въ германской арміи дневной рационъ, кромѣ овощей, составляетъ: 750 гр. хлѣба и 150 гр. говядины, и при сильныхъ напряженіяхъ 1,000 гр. хлѣба и 250 гр. говядины.

Разумѣется, это количество пищи не для всѣхъ достаточно. Однихъ оно совершенно удовлетворяетъ, для другихъ оно мало. Однако многолѣтнимъ, тщательнымъ опытомъ, установлены такие рационы, которые не мѣшаютъ исполненію служебныхъ обязанностей излишнимъ переполненіемъ желудка.

Для того чтобы определить ежедневное количество пищи для самихъ себя, нужно принять во вниманіе, что мы всегда склонны ёсть болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Этотъ излишній приемъ пищи имѣеть то оправданіе, что при различныхъ трапезахъ мы принимаемъ нужная питательная вещества въ различныхъ отношеніяхъ. Смѣщеніе крови происходитъ медленно, и это уже дѣло пищеваренія—изъ принятой пищи возвратить опредѣленные отношенія.

Политическое обозрѣніе.

Россія и Болгарія на дунайской конференції.—Черногорія и Турція.—Пруссія и Ватиканъ.—Франція.—Італія и Триполі.—Дублинскій процессъ феніанъ.—Ізраїль и Чили.

Россія, повидимому, заняла на Дунайской конференціи положеніе, соотвѣтствующее ея достоинству и значенію; во первыхъ, ея предложенія относительно Кілійскаго гирла приняты, а во вторыхъ, допущена Болгарія; конечно—и въ томъ, и въ другомъ желанія Россіи удовлетворены не въполномъ объемѣ, но, все таки, удовлетворены: въ Кілійскомъ вопросѣ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, а болгарскому агенту дозволено, только въ силу „безмолвнаго согласія“, передавать лорду Грэнвиллю, какъ президенту, требованія своего правительства; постановленіе, признавшее турецкаго уполномоченного въ то же время и уполномоченнымъ Болгаріи—вассального княжества Оттоманской имперіи, хотя и оставлено въ силѣ, но только въ принципѣ и перемѣняться не будетъ: болгарскій делегатъ уже входилъ въ сношенія съ лордомъ Грэнвиллемъ, которому сдѣлалъ нѣсколько заявлений; предполагаютъ, однако, что болгарское правительство не откажется отъ заявлений, сдѣланныхъ имъ въ народномъ собраніи, но что эти заявленія останутся не болѣе, какъ для формы.

Въ Болгаріи мы видимъ кое что, способное оскорбить русское чувство, но эти явленія исходятъ изъ такихъ источниковъ и порождены такими причинами, что намъ нѣтъ оснований приходить въ особенно сильный гнѣвъ, или испытывать слишкомъ большое разочарованіе. Въ настоящее время, въ княжествѣ идетъ вопросъ о проведеніи желѣзныхъ дорогъ; какъ повсюду, такъ и тамъ, вопросъ этотъ возбудилъ аппетиты круга дѣльцовъ, любящихъ, прежде и больше всего, наживу и разсчитывающихъ поживиться лакомымъ кускомъ, въ видѣ концессій, гарантій и т. п., но русскіе министры стали имъ поперекъ дороги, такъ какъ предлагаютъ строить экономическимъ способомъ, безъ концессій; отсюда и вражда къ нимъ и ко всему русскому, оно и понятно—нажива не знаетъ ни патріотизма, ни общественныхъ интересовъ; надо сказать, однако, что въ агита-

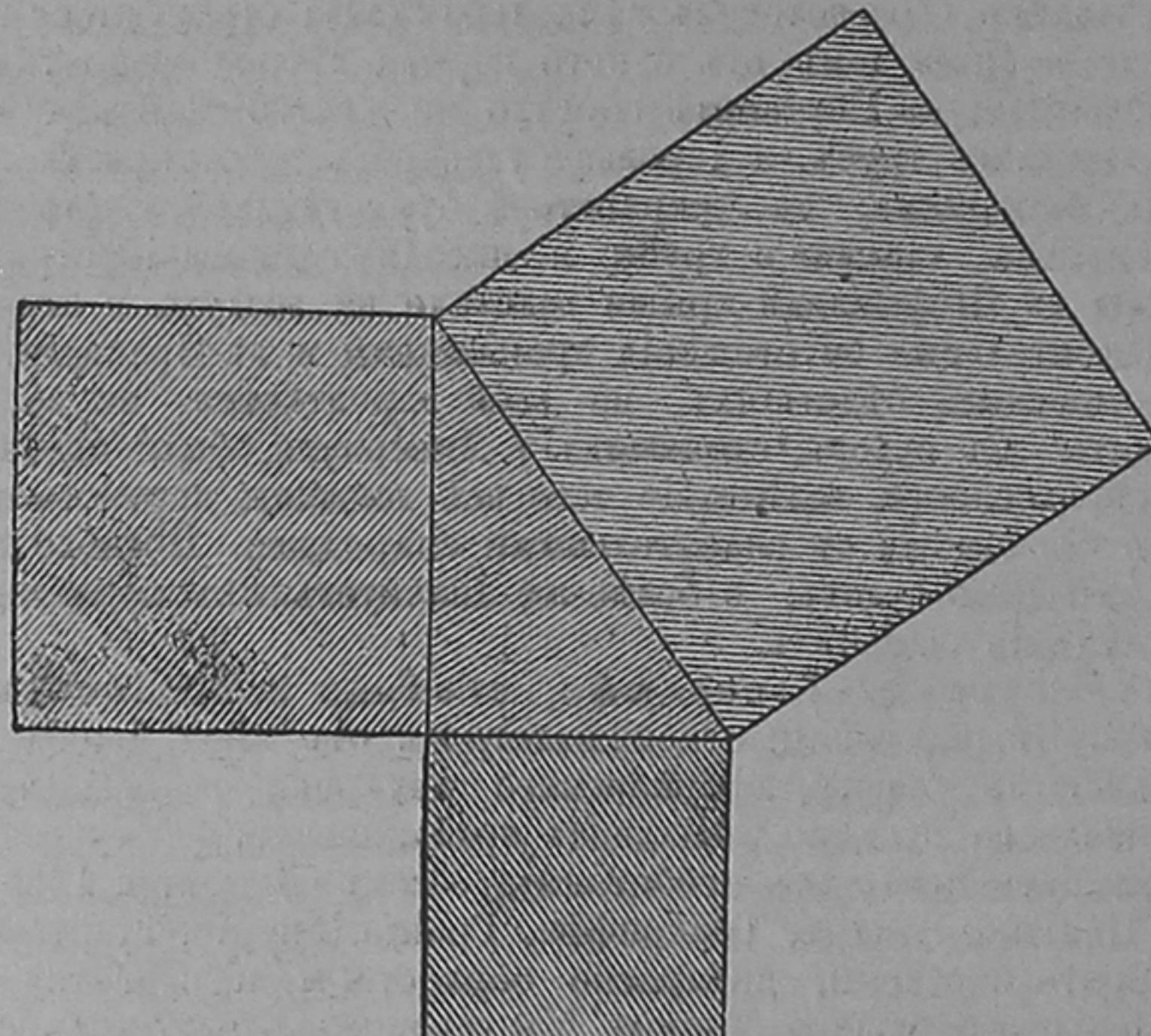
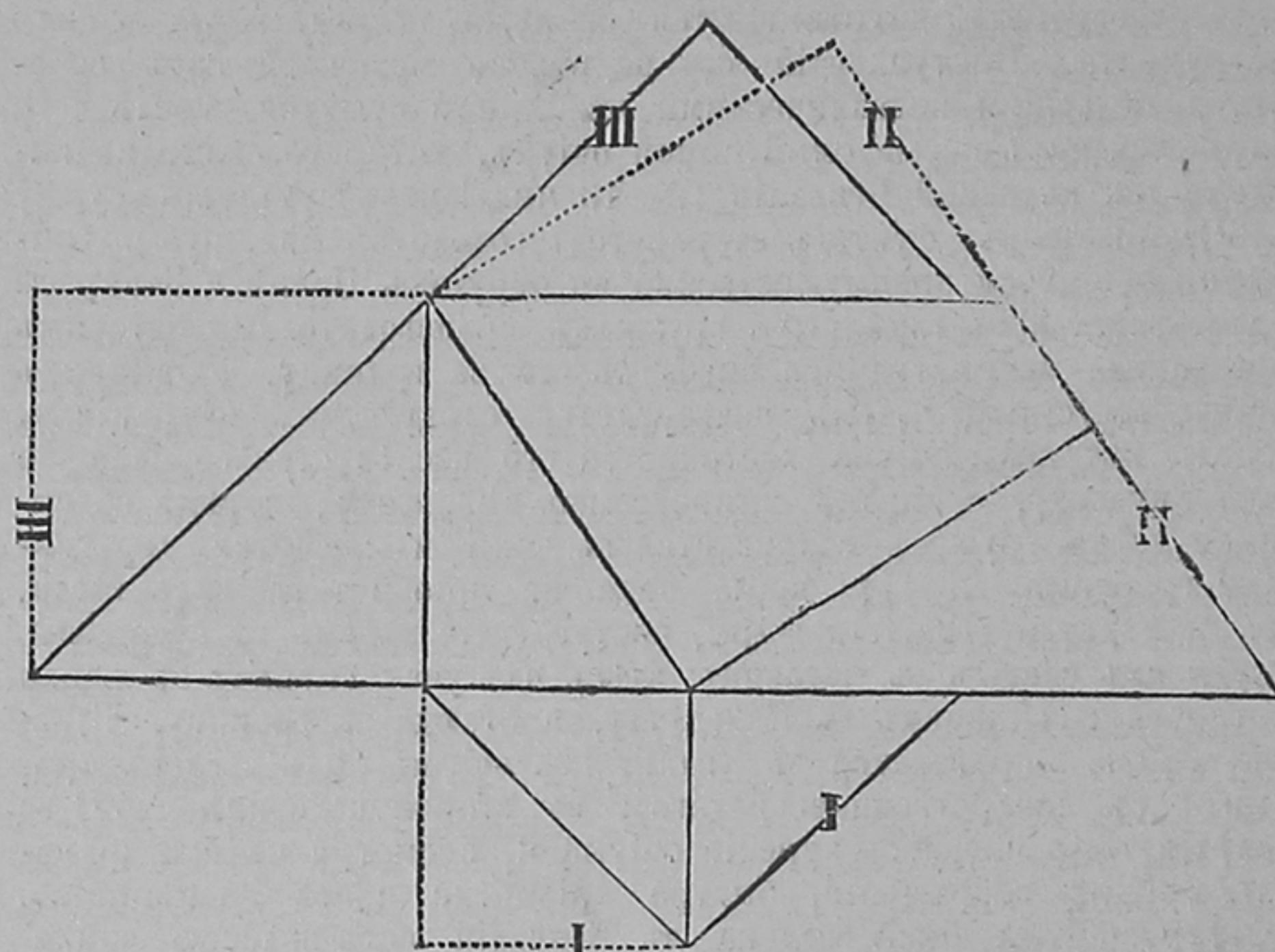
ціи противъ русскихъ принимаетъ участіе незначительное меньшинство „интеллигенції“,—народъ же въ ней не участвуетъ и, напротивъ, надо надѣяться, что понявъ надлежащимъ образомъ дѣятельность русскихъ, воюющихъ, такъ сказать, за его же карманъ, онъ ближе примкнетъ къ государству, которое воевало за его независимость. Народное собраніе закрыто и собирается только лѣтомъ для завершения вопроса.

Черногорія объявила, что если Турція не уступитъ спорной территоріи, то она возьметъ ее силой. Князь Карагеоргіевичъ недавно гостила въ Цетинѣ; его появление тамъ приписываютъ Россіи—почему?

Въ Прусской Палатѣ Депутатовъ, Шарлемеръ-Альєтъ и Виндгорстъ требуютъ для католиковъ *statu quo ante*. На дняхъ напечатаны два письма папы къ императору, въ которыхъ его святѣйшество соглашается на то, чтобы епископы уведомляли прусское правительство о дѣламъ ими назначенияхъ и на нѣкоторыя другія требования Пруссіи, даже и до пересмотра и отмѣны законовъ противъ католического духовенства, но взамѣнъ просить императора и смягченія этихъ законовъ и предоставленія большей самостоятельности и свободы епископамъ; по всему видно, что соглашеніе состоится.

Новое французское министерство — министерство, по преимуществу, гамбеттистовъ: Жюль Ферри, президентъ совѣта, одинъ изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Гамбетты, какъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, Шальмель-Лакуръ и внутреннихъ дѣлъ — Вальдекъ Руссо; Тибоденъ остался военнымъ министромъ, за то на постъ морскаго министра такъ и не нашли моряка, а вслѣдствіе того этотъ портфель отдали инженеру, сенатору Брену; первымъ „похвалнымъ“ актомъ нового министерства было отчисленіе нѣкоторыхъ изъ принцевъ, а именно герцоговъ Омальскаго, Шартрскаго и Алансонскаго, отъ дѣятельной службы. Изъ Парижа сообщаютъ странный слухъ о томъ, будто бы генералъ Шартье, бывшій у графа Шамбора, уѣхалъ въ Венецию, къ дону Карлосу, для совѣщаній съ нимъ относительно передачи его сыну правъ на-

Рѣшеніе геометрической задачи № 7.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Москва—Чернова, Ильковича; Кельцы—Хегстремъ; Люблинъ—Иванова; Медвѣдево — Митропольского; Пенза—Воронова; Симбирскъ—Бабушкина.

Вновь получены вѣрныя рѣшенія алгебраической задачи № 3 отъ гг.: Большое Коровино—В. К. Терского; Нижне-Чирская—Соколова; Оренбургъ—Карпова.

СОДЕРЖАНИЕ: Рихардъ Вагнеръ (съ портр.)—На морскомъ берегу. П. П. Гильдича.—Мой пріятель Мертріз. Рассказъ Фр. Ноппе.—П. И. Мельниковъ (съ портр.)—Принцы царствовавшихъ во Франції фамилій (съ рис.)—Дузль верхомъ (съ рис.)—Ж. Б. Дюма, химикъ (съ портр.)—«Буря» Айвазовскаго (съ рис.)—Психея и Харонъ (съ рис.)—Спасо-Прилуцкій монастырь близъ Вологды (съ рис.)—Самодѣйствующій воздухочиститель (съ рис.)—Сколько пищи ежедневно принимаетъ человѣкъ. очеркъ.—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—Заявленіе.—Рѣшеніе геометрической задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подпischиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г.

№№ „НИВЫ“ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

Издание А. Ф. Деврена. С.-Петербург., Вас.
Остр., Румянц. площ., собств. домъ.

Вышла изъ печати новая книга:

КУКУРУЗА. Ея разведеніе на зерно и зеленый кормъ, и значеніе въ технич. производствахъ. Соч. В. С. Засядко, съ прилож. Описанія машинъ, употребляемыхъ при воздѣлываніи кукурузы, В. В. Черняева. Съ прилож. 54 політ. Ц. 1 р. 25 к. Гг. иногородные, требующіе эту книгу прямо отъ издателя, за пересылку не платятъ. Р. № 2500

EAU DE LYS
DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе нѣжнымъ.

Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юношескую свѣжестъ.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и нѣжною.

Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.

Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,
БЕРЛИНЪ,
поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.

Eau de Lys de Lohse.
S. № 2509

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операций, вставление новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американскому методу; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣна умеренная.

№ 1908

Страхованіе жизни.

Подробная свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюръ (книжекъ) Страхового Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высыпаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи.

№ 2482

Новость! ГУТАПЕРЧЕВОЕ ПЕРО РЕЙХА, Новость!

признанное за самое лучшее писчее перо, соединяющее въ себѣ преимущества стального и гусиного перьевъ, подходящее для всякаго почерка и дешево, ибо оно можетъ служить по нѣсколько лѣтъ, потому что оно очинается какъ гусиное перо. Цѣна 50 к. за штуку. съ пересылкою 70 к. за штуку (почтов. марками). Главный складъ для всей Россіи: Контора Ф. П. Сазонова, Фонтанка, № 67. С.-Петербургъ.

№ 2495 2-2

ДЛЯ ДАМЪ И АКУШЕРОКЪ.

Вышла въ свѣтъ новая книга: Общедоступное руководство къ леченію женскихъ болѣзней и истерии. Доктора Михаила Шера. Цѣна 1 р. 75 к. Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и у автора: Пушкинская, 19. кв. 82. Выписзывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.

№ 2499 1-1

„ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА“.

№ 2454 Соч. Проф. Габриэли. Ц. 90 к. 6-5

ЖЕЛАЮЩИХЪ

купить, продать и заложить дома, имѣнія и аптеки, просить обращаться въ Москву, Большая Молчановка, д. Тишина, къ Леониду Александровичу ГОРЛЕНКО. № 2504 4-1

НЕ ВЪНЧАЙТЕСЬ
прежде чѣмъ читать „TRAIT D'UNION“, газету первого дома этого рода въ Европѣ и объясняющую брошюру. Безплатное почтовое посланіе за 90 centimes, 53, faubourg Montmartre и 17, avenue Carnot (Champs-Élysées), въ ПАРИЖЪ.

№ 2508

56-1

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И
ФРУКТОВЫЯ
Н. П. ЛАНИНА,

въ МОСКВѢ,
удостоенные МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфийской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирной выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,

имѣются въ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи. СЪ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРОДАЖУ подъ новымъ ярлыкомъ.

№ 2440 10-4

КЪ СВѢДѢНІЮ

Гг. Капиталистовъ, предпринимателей, любителей воздухоплаванія, промышленниковъ, изобрѣтателей, инженеровъ, стратеговъ, моряковъ, кораблемохозяевъ, устроителей торжествъ съ воздушными приспособленіями.

Лица, желающія воспользоваться случаемъ участвовать въ постройкѣ, нынѣ дѣятельно производящейся на Охтенской адмиралтейской верфи, воздушного корабля „Россія“, приглашаются въ самомъ непролongительномъ времени заявлять объ этомъ изобрѣтателю и строителю Костовичу, гдѣ они могутъ получать самыя основательныя свѣдѣнія по этому дѣлу, равно какъ и очевидныя доказательства полной солидности предпріятія. Стоимость каждого вклада 600 р. сер., вносимыхъ или присылаемыхъ прямо въ Техническую Строительную Контору Костовича, или же на текущій счетъ Костовича, для постройки воздушного корабля „Россія“, въ СПб. Международный Коммерческий Банкъ *), въ чмъ Конторой Костовича или Банкомъ будетъ выдана или выслана соотвѣтственная квитанція. Для удобства ознакомленія гг. иногородныхъ съ сущностью предпріятія, можно указать на статьи объ этомъ въ слѣдующихъ журналахъ и газетахъ:

- 1) Воздухоплаватель № 4-й—1879 г.
- 2) Воздухоплаватель № 14—12 ноября 1880 г.
- 3) Industrie Zeitung, St.-Petersburger Herold № 49 — 3 Decem-ber 1880. 4)

Воздухоплаватель № 16—1 января 1881 года. 5) Industrie Zeitung, St.-Petersburger Herold № 2—14 Januar 1881. 6) Биржевая Вѣдомости № 126—25 февраля 1881 г. 7) Биржевая Вѣдомости № 130—6 марта 1881 г. 8) St. Petersburger Herold № 302—29 October 1881. 9) St. Petersburger Herold № 13—13 Januar 1882. 10) Правительственный Вѣстник № 56—14 марта 1882 г. 11) Новое Время № 2170—14 марта 1882 г. 12) Новости—14 марта 1882 г. 13) Петербургская Газета № 62—14 марта 1882 г. 14) St. Petersburger Zeitung № 73—14 Mrz 1882. 15) St. Petersburger Herold № 73—14 Mrz 1882. 16) Московскія Вѣдомости № 112—24 апреля 1882 г. 17) Всемірная Иллюстрація № 697—15 мая 1882 г. 18) Нива № 22—29 мая 1882 г. 19) Огонекъ № 22 и 24-й 1882 г. 20) St. Petersburger Herold № 149—29 Mai 1882. 21) St. Petersburger Zeitung № 150—30 Mai 1882. 22) St. Petersburger Herold № 237—25 August 1882 г. 23) Всеобщій календарь Гоппе на 1883 годъ. 24) Нива № 6—6-го февраля 1883 г. и проч. Къ этому считаемъ долгомъ прибавить нѣсколько разъясненій касательно выгодъ предпріятія. Не говоря уже заранѣе о случаѣ полнѣшіей удачи, въ чмъ, естественно, постороннія лица не могутъ быть такъ сильно убѣждены, какъ люди, близко знакомые съ этимъ изобрѣтеніемъ, и въ каковомъ случаѣ трудно даже вообразить себѣ громадный размѣръ нравственныхъ и материальныхъ выгодъ,—можно полагать вполнѣ достаточнымъ одно уже указаніе на то обстоятельство, что даже въ случаѣ неудачи, воздушный корабль „Россія“ можетъ быть легко передѣланъ не только въ обыкновенный шаръ, но даже въ „Ballon Captif“ съ громадной подъемной силой, подобно Жифаровскому, стоявшему Парижской компании въ 1878 г. два съ половиной миллиона франковъ и выручившему болѣе десяти миллионовъ въ теченіи года. При этомъ можно указать на громадность дохода и даже обыкновенныхъ увеселительныхъ шаровъ, какъ напр. Годара и прочихъ, выручавшихъ всегда значительныя суммы.

Имѣя, между прочимъ, въ виду, что изготавленіемъ всякихъ воздухоплавательныхъ приборовъ у насъ весьма часто занимаются люди не только безъ основательной къ тому специальной подготовки, но даже нерѣдко и безъ всякихъ техническихъ знаній (чмъ объясняется мн-

жество опасныхъ неудачъ), тогда какъ техническая строительная контора Костовича располагаетъ по этому дѣлу новѣйшими научными свѣдѣніями и, наконецъ, самостоятельно выработанными способами и производственными секретами, достигнутыми путемъ долголѣтнихъ практическихъ изслѣдований, стоившихъ очень большихъ затратъ,—въ виду всего этого и для обюдного извлечения пользы изъ пріобрѣтенныхъ уже результатовъ, хотя оставшихся лишними въ дѣлѣ постройки воздушного корабля „Россія“, но крайне полезныхъ вообще въ аэронавтицѣ, теперь въ Технической и Строительной Конторѣ, мастер-

скихъ и лабораторіяхъ Костовича будуть исполняться заказы на воздухоплавательные приборы вслѣдствіе шары и для военныхъ бомбардировочныхъ цѣлей, равно какъ и небольшие, въ 10 минутъ наполняемые корабельные спасательные аппараты съ шарами, употребляемыми для совершенно надежнаго соединенія съ берегомъ погибающаго корабля во время бурнаго прибоя. Употребляемы для этого спасательная ракета

далеко не всегда достигаютъ цѣли; при томъ онѣ зависятъ не отъ воли погибающихъ, а отъ удачнаго прицѣла ракеты береговыми стражниками во время бури. Къ услугамъ частнаго употребленія дѣлаются шары съ самыми новѣйшими улучшеніями, для совершенно безопасныхъ полетовъ, а также шары, могущіе любое число разъ свободно подниматься и опускаться по волнѣ путешественника, не выбрасывая для этой цѣли балласта и не выпуская газа, также безъ всякой опасности. Еще устраиваются всевозможныхъ сортовъ и величинъ шары для различныхъ воздушныхъ приспособленій во время торжественныхъ празднествъ всякаго рода. Наконецъ, приготовляются особые шары для подъема затонувшихъ цѣнныхъ предметовъ даже съ большой глубины. (Вообще, подъемъ кораблей помошью разныхъ испытанныхъ способовъ, а также всякия подводныя работы съ строгимъ ручательствомъ удачи, исполняются конторой г. Костовича, уже поднявшаго изъ воды семь большихъ кораблей съ значительныхъ глубинъ).

Кромѣ всего этого, принимаются для совѣщаній лица, прямо или косвенно заинтересованные какими бы то ни было техническими вопросами; а также Техническая и Строительная Контора принимаетъ на себя всестороннюю административно-техническо-хозяйственную разработку и конструктировку новыхъ техническихъ проектовъ, предпріятій (discretion гарантируется); притомъ, ради возможно болѣе широкихъ удобствъ сношенія съ производителями матерьяловъ, контора не отказывается и отъ агентуры всевозможныхъ техническихъ предметовъ, равно береть на себя представительство корабельныхъ верфей и машинныхъ фабрикъ, обладая лестнымъ довѣріемъ извѣстныхъ фирмъ. Располагая, кромѣ свѣдѣній о современномъ состояніи общетехническихъ новѣйшихъ конструкцій, еще и многими производственными способами и политехническими секретами, лично выработанными г. Костовичемъ, авторомъ шестнадцати капитальныхъ изобрѣтений, примѣненныхъ къ дѣлу здѣсь и заграницей, и имѣя по всемъ отраслямъ техники инженеровъ-специалистовъ въ качествѣ сотрудниковъ и помощниковъ, Техническая и Строительная Контора Костовича имѣетъ возможность производить всѣ вышесказанныя работы согласно съ новѣшими, самыми изысканными требованіями. Пріемъ лицъ, исключая праздниковъ, ежедневно отъ 2 до 3 ч. попол., въ кв. г. Костовича, въ Спб., на Пескахъ (у Смоленского монастыря), по Охтенскому просп., д. № 21. По этому же адресу слѣдуетъ адресовать и письма.

* Гдѣ уже сосредоточилась значительная сумма для этой цѣли.

40 РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕНЬ,

собранныхъ **ФИЛИППОВЫМЪ**,
гармонизованныхъ и для одного голоса съ
фортепиано положенныхъ

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВЫЙ.

Въ сборнике находятся между прочими
песнями:

Алексей Божий человекъ. Лазарь. Егорий
храбрый. Голубина книга. Поминальная.
Задравная. Бычина пѣтая Рябининъ. Ва-
нюша — ключникъ. Какъ Донской казакъ вѣл-
кона поить и т. д. Одиночныя, хоровые, хо-
роводныя и плясовыя песни.

Цѣна 2 рубля.

Москва, у **П. ЮРГЕНСОНА.**

10, Неглинный проѣздъ (уголъ Кузнецкаго
моста).

С.-Петербургъ у **П. ЮРГЕНСОНА,**

Б. Морская, 9.

Варшава у **Г. Зенневальда**, Медовая, 2.
II. № 2507 3—1

“РУССКІЙ КУРЬЕРЪ”

послѣ простоянки будеъ выходить
съ 17 марта с. г.

Подписчикамъ, получавшимъ “Русскій Вѣ-
домости”, будеъ высылаться съ 17-го марта
с. г. “Русскій Курьеръ”.

Подписка принимается на прежнихъ усло-
вияхъ, въ конторѣ издания: Москва, Москво-
рѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина.

Подписывающіеся съ 17 марта с. г. при-
плачиваются за полмѣсяца 50 к.

Подпиской просятъ послѣдить въ видахъ
своевременной высылки газеты.

№ 2501 5—1

Пріютъ для роженицъ

со всѣми удобствами. Пушкинская улица, д.
№ 20, кварт. № 7. № 2498 3—1

! ГИМНАЗИСТАМЪ !

за 5 почтовыхъ
марокъ (по 7 коп.)
немедленно высы-
лаю во всѣ горо-
да Россіи:

**КРОШЕЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ
АТЛАСЪ,**

состоящий изъ 23
раскрашенныхъ
географическихъ

Добчинскій и Бобчинскій, картъ, въ изящ-
номъ переплѣтѣ. Тамъ же продается инте-
ресный подарокъ для дѣтей и взрослыхъ —
игра Добчинскій и Бобчинскій, въ которой
также фигурируютъ: Хлестаковъ, Ноздревъ,
Собакевичъ, Штухъ, Плюшкинъ, Чичиковъ
и Коробочка. При игрѣ прилагается премія
и объясненія на Русск., Франц. и Нѣмецк.
яз. Гг. иногородные благоволятъ адресо-
вать свои требованія: Б. И. Шайкевичу,
Коломенской, д. № 1, кв. 27, С.-Петербургъ,
а также и во всѣ магазины игрѣ СПБ — га
и Москвы. № 2502

МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ ПЕЧА-
ТАННЫЕ

КАРТИНЫ,

СОБСТВЕННОГО ИЗДАНІЯ,
КРАЙНЕ ДЕШЕВО ДЛЯ

Издателей!

Торгующихъ!

Экспортёровъ!

Новый иллюстрирован. каталогъ
гратись и Франко.

Соответственныя золотыя рамы и
каймы по фабричнымъ цѣнамъ.

КАРЛЬ КАУЛИШЪ.

(CARL KAULISCH).

Берлинъ С. ул. Гриммъ № 7а.

(Berlin S. Grimmstr. 7a Deutschld.)

Институтъ для хромолитографии и печатанія. № 2489 10—2

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московск.) прейс-курантъ отъ чайного магазина Н. Е. Киселева въ Москве.

Дозволено цензурою. СПБ. 23 Февраля 1883 г.

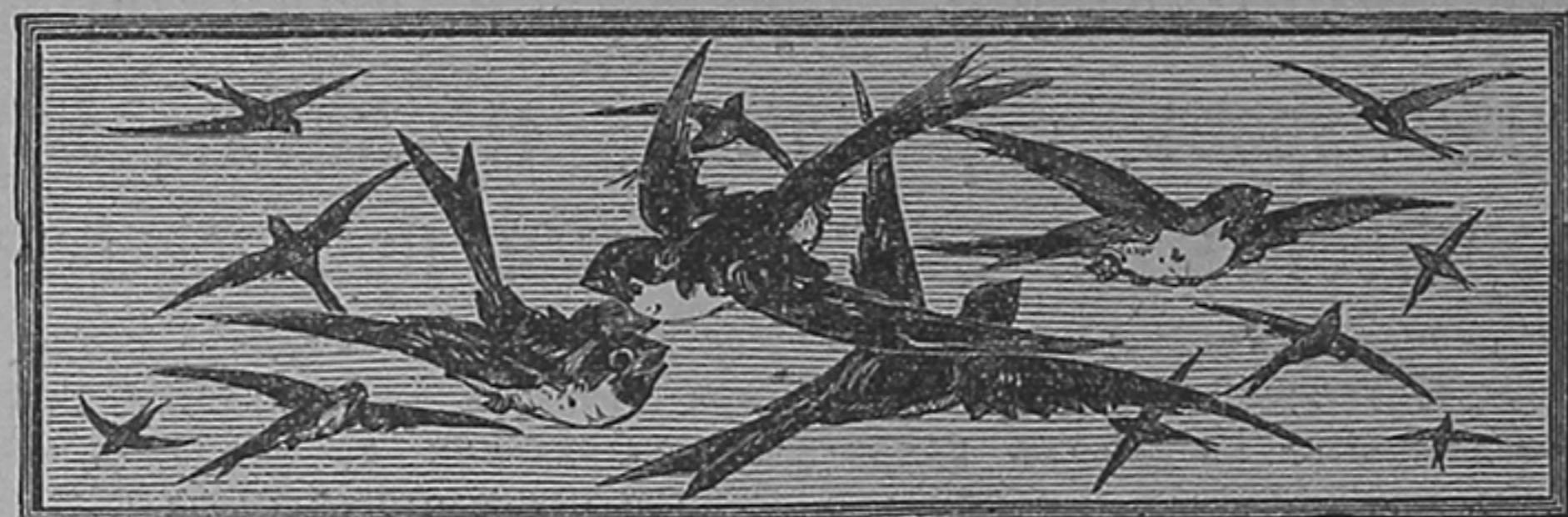
Тип. А. Ф. Марка, Прачечн. пер., № 5.

Издание А. Ф. Марка въ СПБургѣ

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ МОРСКАЯ, № 9.

Обращай виньетонъ по рис. Н. Каразина, помѣщенныхъ въ началѣ
каждой главы романовъ.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу отдельнымъ из-
даніемъ давно уже ожидаемая читателями книга:

“ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ”.

Исторический романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ,
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и
виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ,
С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к.
въ красивомъ каленкоровомъ переплѣтѣ съ золот. тисн. 4 р., съ
перес. иногор. 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ новымъ подписчикамъ на „НИВУ“
1883 г., не читавшимъ „Вольтерьянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ
приобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это но-
вое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 руб.; въ
каленкор. переплѣтѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“, въ
Больш. Морской, д. № 9; и въ МОСКВѢ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“
у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линії,—а также можно найти эту
книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Означенная уступка дѣлается только лицамъ, явившимся съ
требованіями въ главную контору редакціи въ С.-Петербургѣ, Больш.
Морская, № 9, или въ отдѣленіе „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ Москвѣ.

Лестные отзывы объ этомъ романѣ при печатаніи ея въ
„Нивѣ“ 1882 г. и громадное число требованій, поступившихъ къ намъ
уже за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода этого отдельного изданія—даютъ
намъ право надѣяться, что книга эта получитъ широкое распростране-
ніе и будетъ читаться съ удовольствіемъ. Интересъ ея содержа-
нія и мастерство разсказа ручаются за это.

Весь циклъ этой коллекціи историческихъ разсказовъ о по-
полнѣніи Горбатовыхъ состоѣть пока изъ трехъ романовъ, а именно:
1) „Сергій Горбатовъ“ (уже вышедшій въ прошломъ 1882 году от-
дельнымъ изданіемъ), 2) „Вольтерьянецъ“ (въ щедрій нынѣ) и 3)
„Старый Домъ“, который будеъ напечатанъ въ „Нивѣ“ 1883 г.

Поэтому мы рекомендуемъ МНОГИМЪ ТЫСЯЧАМЪ НОВЫХЪ под-
писчиковъ на „Ниву“ 1883 года, которые получать чрезъ нѣсколько
мѣсяцевъ въ „Нивѣ“ для чтенія третью продолженіе этого цикла ро-
мановъ, „СТАРЫЙ ДОМЪ“, чтобы имѣть полную коллекцію историче-
скихъ разсказовъ Всеволода Соловьева, касающихся поколѣнія Горбато-
выхъ,—ПРИОБРЕСТИ, кромѣ выше пѣбликованного изданія „Вольтерь-
янецъ“, и начальный романъ, подъ заглавiemъ:

СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ.

Исторический романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ,
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и
виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 672 страницы
in 8°. СПБ. 1882. Цѣна сброшюров. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к.,
въ красивомъ каленкор. переплѣтѣ съ золотымъ тисненіемъ
4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп.

События жизни героя романа, Сергія Горбатова, чрезвы-
чайно любопытныя, его отношенія къ Екатеринѣ Великой, къ це-
саревичу Павлу, къ любимцу Императорицы Екатерины, графу Зу-
бову, присутствіе героя при страшныхъ сценахъ французской
революціи и т. п.—дѣлаютъ этотъ романъ однимъ изъ интересней-
шихъ по содержанію произведеній современной литературы.

ДЛЯ НОВЫХЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ НА 1883 Г.,
желающихъ приобрѣсти ОДНОВРЕМЕННО оба романа: „Сергій Горбатовъ“
и „Вольтерьянецъ“, дѣлается значительная уступка, а именно: за обѣ
нники: сброшюров. вмѣсто 6 р. за 4 р. 50 к.; съ перес. вмѣсто
7 р. за 5 р. 50 коп.; въ каленкоровомъ переплѣтѣ вмѣсто 8 р.
за 6 р. 50 к., съ перес. вмѣсто 9 р. за 7 р. 50 к.—Но у-
ступка эта дѣлается только при обращеніи прямо въ контору редакціи
„Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская, № 9, или въ отдѣленіе
„Нивы“ въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской, въ Петровск. линії.

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для
шитья петель на всякой
матеріи и бѣльѣ. Цѣна
3 р. съ перес.

Продажа оптомъ и
въ розницу

И. ВАБОНЬ
№ 9. Гороховая ул., д.
Лембкѣ, кв. № 8, въ
С.-Петербургѣ.
№ 2505 2—1

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗСМОТРЕНЫ И РАЗРЪ-
ШЕНЫ СПБ. ВРАЧЕБН. УПРАВЛЕНИЕМЪ

КРАСОТА и СОХРАНЕНИЕ КОЖИ.

Вода де-Лисъ де-Нинонъ придаетъ кожѣ
блѣзну и прозрачность, предохраняетъ ее
отъ загара, красноты, прыщей и проч. Не-
обходимо зимою противъ на кожныхъ тре-
щинъ и для освѣженія кожи, разгоряченной
газомъ и дурными воздухомъ, лѣтомъ оно
лучшее средство отъ загара и воспаленія,
вызванного пылью и солнцемъ. Цѣна больш.
флак. 1 р. 50 к., съ пересыпкою 2 р.

Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ имѣетъ тѣ же
свойства какъ вода де-Нинонъ и рекомен-
дуетъ преимущественно лицамъ, употребля-
ющимъ Кольдъ-Кремъ, котораго онъ превы-
шаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р., съ
пересыпкою 1 р. 50 к.

Пудра де-Нинонъ. Необходимо дополненіе
къ водѣ или Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ и
замѣняющая вѣтъ другая пудра.
Цѣна за коробку 75 к. съ пер. 1 р.
Д. закор. съ пуховкою 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ С.-Петербургѣ
Химической Лабораторіи, домъ Катол-
ической церкви, № 32, и у Аничкова моста,
ст. д. № 66.

На Вознесенскомъ просп., уголъ Казан-
ской ул., № 18—54, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ
Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по
Измайловскому просп. № 21, собств. дома.
Описание и способъ употребленія взымаются
по желанію безплатно. Р. № 2262 3—3

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

изъ
ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,

какъ-то: старинныхъ, золотыхъ
эмальированныхъ табачерочъ, вазъ,
кубковъ и бокаловъ изъ топаза или
камней въ золотой оправѣ, старин-
ныхъ серебряныхъ вещей, какъ-то:
кружекъ, бокаловъ, кубковъ, группъ
и фигуръ, вообще всякихъ древ-
ностей XVI, XVII и XVIII сто-
лѣтій, кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращать-
ся въ Москву, г-ну ЛУДОВИКУ
БЕКЪ, Петровка, домъ Пенского,
противъ Петровской аптеки.

№ 2278 9—9

Свѣжія сѣмёна

огородныя, цвѣточныя, травяныя, хлѣбныя
и прочія въ большомъ запасѣ въ сѣмёноній
торговлѣ А. Ушакова въ С.-Петербургѣ,
Большая Конюшенная, д. № 1. Подробный
прейс-курантъ высылается по требованію.
№ 2477 3—3

КІЕВСКАЯ СТАРІНА

журналъ, посвященный исторіи южной Россіи.

Годъ второй (1883).

Выходитъ въ Кіевѣ ежемѣсячно книжками
въ 12 и болѣе листовъ. По временамъ при-
лагаются изображенія историческихъ южно-
русскихъ дѣятелей и памятниковъ южно-
русской старины.

Цѣна